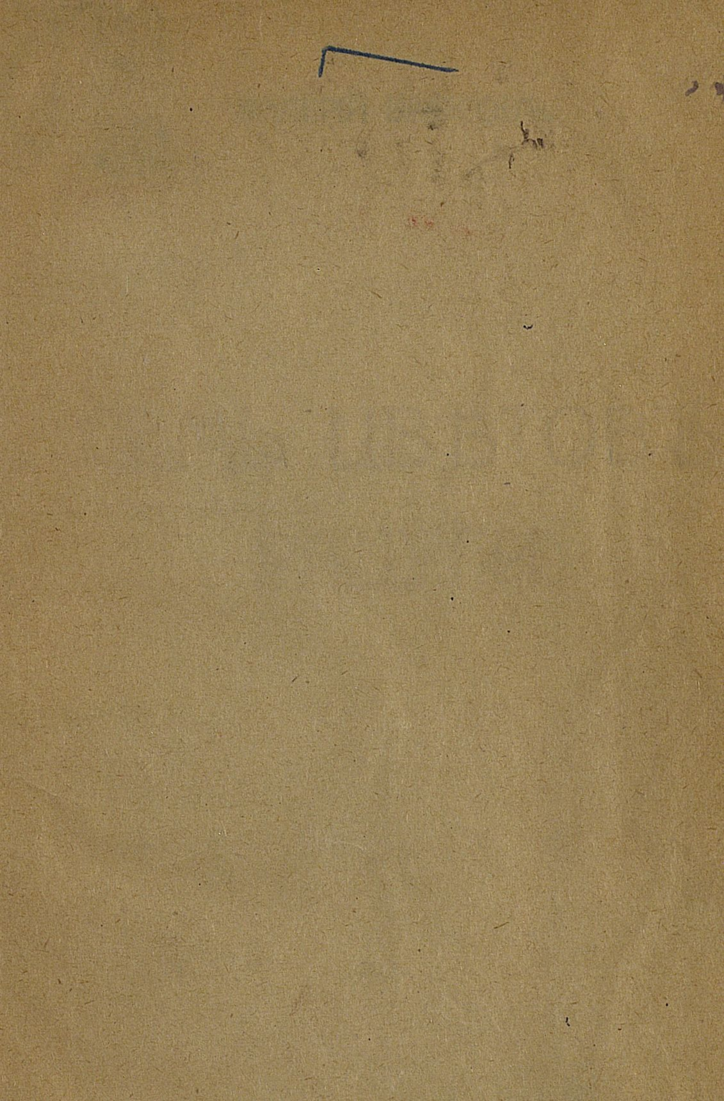

U 127/212
ф1-81/10728

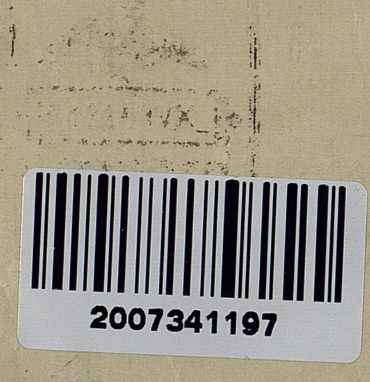

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

СЕМЬ ЦВѢТОВЪ РАДУГИ.

МОСКВА.
Издательство К. Ф. Некрасова.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Печатано въ типографіи К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

СЕМЬ ЦВѢТОВЪ РАДУГИ.

Стихи 1912—1915 года.

МОСКВА.
Издательство К. Ф. Некрасова.
MCMXVI.

КНИГИ ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Сборники стиховъ. Юношескія стихотворенія. Спб. 1913.—Chefs d'Œuvre. Изд. 4-е. Спб. 1913.—Me eum esse. Изд. 3-е. Спб. 1913.—Tertia Vigilia. Изд. 3-е. Спб. 1913.—Urbi et Orbi. Изд. 3-е. Спб. 1913.—Вѣнокъ. Изд. 2-е. Спб. 1914.—Всѣ напѣвы. М. 1909.—Зеркало Тѣней. М. 1912.—Семь цвѣтовъ радуги. М. 1916.—Избранные стихи. М. 1916.

Повѣсти, разсказы, драмы. Земная Ось. Разсказы. Изд. 2-е. М. 1910.—Ночи и Дни. Разсказы. М. 1913.—Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. Изд. 2-е. М. 1909.—Алтарь Побѣды. Повѣсть IV в. 2 тома. Спб. 1913. — Театръ, Драмы. Спб. 1914. — Обрученіе Даши. Повѣсть. М. 1916.—Рея Сильвія. Повѣсть. М. 1916.—Путникъ. Психодрама. М. 1911.

Изслѣдованія, статьи. Лицейскіе стихи Пушкина. М. 1907.—Далекіе и близкіе. М. 1911.—Испепеленный. Изд. 2. М. 1909.—Великій риторъ. М 1912.—За моимъ окномъ. М. 1913.—Miscellanea. Печатается.

Переводы. Французскіе лирики XIX в. Изд. 2-е. Спб. 1914.—Поль Верленъ. Собраніе стиховъ. М. 1911.—Эмиль Верхарнъ. Собраніе стиховъ. Изд. 2-е. М. 1916.—Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. М. 1909.—М. Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда. М. 1907 г.—Оскаръ Уайльдъ. Герцогиня Падуанская. М. 1911.—Оскаръ Уайльдъ. Баллада Рэдингской тюрьмы. М. 1915.—Эдгаръ По. Собраніе стиховъ. Печатается.—Г. д'Аннунціо. Франческа да Римини. (Въ сотрудничествѣ съ Вяч. Ивановымъ). Изд. 2-е. Спб. 1911.—Вергилій. Энеида. Готовится.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Книга стиховъ, получившая теперь названіе «Семь цвѣтовъ радуги», была задумана три года тому назадъ, при совершенно иныхъ условіяхъ жизни и лично автора и всего русскаго общества, чѣмъ тѣ, при которыхъ выходитъ въ свѣтъ. Тогда, въ 1912 году, авторъ полагалъ, что своевременно и нужно создать рядъ поэмъ, которыя еще разъ указали бы читателямъ на радости земного бытія, во всѣхъ его формахъ, и, сообразно съ этимъ, книга должна была получить заглавіе: „Sed non satiatus»... т. е.: „но не утоленный", „все же еще не пресыщенный". Однако, лирическій поэтъ лишь въ нѣкоторой степени властенъ избирать темы своихъ стихотвореній, какъ и каждый человѣкъ лишь въ нѣкоторой степени властенъ самовольно избирать пути своей жизни. Главной и почти единственной темой лирическихъ стихотвореній остаются личныя переживанія, далеко не всегда дающія тѣ впечатлѣнія, которыя мы, можетъ быть, желали бы извѣдать. Какъ всей великой Россіи послѣ 1912 года суждены были великія испытанія, которыхъ въ полной мѣрѣ она не предугадывала (но которыя,—мы вѣримъ,—сдѣлаютъ ее тѣмъ болѣе великой), такъ въ малой личной жизни автора этой книги послѣдніе годы ознаменованы были испытаніями, которыхъ онъ не ждалъ. Но, пересматривая снова книгу, уже законченную, авторъ все же не почелъ бы нужнымъ

измѣнить ея названіе, если бы не побудили къ тому обстоятельства посторонния. Автору казалось, что голосъ утвержденія становится еще болѣе своевременнымъ и нужнымъ послѣ пережитыхъ испытаній, что славословіе бытія пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, когда оно прошло черезъ скорбь, что новое и высшее содержаніе получаетъ формула: «sed non satiatus», если въ нее влагать содержаніе: «но не утоленный ни радостями ни страданіями». Пусть же новое названіе книги говоритъ о томъ же: всѣ семь цвѣтовъ радуги одинаково прекрасны, прекрасны и всѣ земныя переживанія, не только счастіе, но и печаль, не только восторгъ, но и боль. Останемся и пребудемъ вѣрными любовниками Земли, ея красоты, ея неисчерпаемой жизненности, всего, что намъ можетъ дать земная жизнь,— въ любви, въ познаніи, въ мечтѣ!

Валерій Брюсовъ.

Ноябрь 1915.

Семь цвѣтовъ радуги.

Еще есть долгъ, еще есть дѣло,
Остановиться не пора!

К. Павлова.

Naviget! haec summa est...

Vergilius.

ОРАНЖЕВЫЙ.

I. Я самъ.—II. Сынъ земли.—III. Передъ тобою я.

I. Я САМЪ.

... Я самъ, безсильный и мгновенный,
Ношу въ груди, какъ оный серафимъ,
Огонь сильнѣй и ярче всей вселенной...

А. Фетъ.

---

1. SED NON SATIATUS...

Что же мнѣ дѣлать, когда не пресыщенъ
Я—этой жизнью хмельной!
Что же мнѣ дѣлать, когда не пресыщенъ
Я—вѣчно-юной весной!
Что же мнѣ дѣлать, когда не пресыщенъ
Я—высотой—глубиной!
Что же мнѣ дѣлать, когда не пресыщенъ
Я—тайной муки страстной!

Вновь я хочу все извѣдать, что было...
Трепеты, сердце, готовь!
Вновь я хочу все извѣдать, что было:
Ужасъ, и скорбь, и любовь!
Вновь я хочу все извѣдать, что было,
Все, что сжигало мнѣ кровь!
Вновь я хочу все извѣдать, что было,
И,—чего не было,—вновь!

Руки несытыя я простираю
        Къ солнцу и въ сумракъ опять!
Руки несытыя я простираю
        Къ струнамъ: имъ должно звучать!
Руки несытыя я простираю,
        Чтобы весь міръ осязать!
Руки несытыя я простираю—
        Милое тѣло обнять!

1912.

2. Юношамъ.

Мнѣ все равно, друзья-ль вы мнѣ, враги ли,
И вамъ я милъ иль ненавистенъ вамъ,
Но знаю,—вы томились и любили,
Вы душу предавали тайнымъ снамъ;

Живой мечтой вы жаждете свободы,
Вы вѣрите въ безумную любовь,
Въ васъ жизнь бушуетъ, какъ морскія воды,
Въ васъ, какъ прибой, стучитъ по жиламъ кровь;

Вашъ зорокъ глазъ и ваши легки ноги,
И дерзость подвига волнуетъ васъ,
Вы не боитесь,—ищете тревоги,
Не страшенъ,—сладокъ вамъ опасный часъ;

И вы за то мнѣ близки и мнѣ милы,
Какъ стеблю тонкому мила земля:
Въ васъ, въ вашей волѣ черпаю я силы,
Любуясь вами, вашъ огонь дѣля.

Вы—мой прообразъ. Юности крылатой
Я, въ вашемъ обликѣ, молюсь всегда.
Вы то, что вѣчно, дорого и свято,
Вы—міру жизнь несущая вода!

Хочу лишь одного—быть вамъ подобнымъ
Теперь и послѣ: легкимъ и живымъ,
Какъ волны океанскія свободнымъ,
Взносящимся въ лазурь какъ свѣтлый дымъ.

Какъ вы, въ себя я полонъ вѣщей вѣры,
Какъ вамъ судьба поетъ и мнѣ: живи!
Хочу всего, безъ грани и безъ мѣры,
Опасныхъ битвъ и роковой любви!

Какъ передъ вами, предо мной—открытый,
Въ безвѣстное ведущій, темный путь!
Лечу впередъ изогнутой орбитой—
Въ безмѣрностяхъ пространства потонуть!

Кѣмъ буду завтра, нынче я не знаю,
Быть можетъ, два-три слова милыхъ устъ
Вновь предо мной врата раскроютъ къ Раю,
Быть можетъ, вдругъ міръ станетъ мертвъ и пустъ.

Такимъ живу, такимъ пребуду вѣчно,—
Въ моихъ, быть можетъ, чуждыхъ вамъ стихахъ,
Всегда любуясь дерзостью безпечной
Въ неугасимыхъ молодыхъ зрачкахъ!

23 янв. 1914.
Эдинбургъ II.

3. О ЧЕМЪ ЕЩЕ МЕЧТАТЬ?

О чемъ еще мечтать мнѣ въ жизни этой?
Все вѣдомо, изжито, свершено:
Отъ сновъ травы, лучемъ весны согрѣтой,
До тихихъ сновъ, какими грезитъ дно;

Отъ муки юноши въ минуту страсти,
До сладости въ предчувствіи конца,
И отъ пресыщенности дерзкой власти
До гордаго безволія творца!

Куда итти, и кто теперь мнѣ нуженъ,
Предъ кѣмъ опять мой дрогнетъ скорбный духъ?
Пусть звѣзды падаютъ, какъ горсть жемчужинъ,
Пусть океанъ поетъ мнѣ гимны вслухъ,

Пусть ангелы и демоны покорно
Встаютъ опять въ мерцающемъ огнѣ,—
Алхимикъ, на огонь погасшій горна
Смотрю безъ слезъ въ своемъ безгрезномъ снѣ.

Придешь ли снова ты, подъ новой маской,
Мой давній другъ, любезный Сатана,
Меня манить неукротимой пляской
Дѣвъ, возстающихъ съ кубками вина?

Иль ты, о, женщина, въ обличьи новомъ,
Скромна, какъ тѣнь, и, словно день, нага,
Меня поманишь къ ужасамъ готовымъ—
Въ «Подземное жилище» иль въ луга?

Что-жъ, можетъ быть, на вызовъ я отвѣчу,
Что-жъ, можетъ быть, разслышу старый зовъ,—
Но лишь затѣмъ, что вѣрнымъ лукомъ мѣчу
Въ себя,—какъ сынъ Лаэрта въ жениховъ.

Я гибели хочу, давно, упрямо,
Ея ищу, но отступаетъ Смерть,
И все, какъ куполъ чуждаго мнѣ храма,
Надменно надо мной сверкаетъ твердь!

Янв. 1914.
Эдинбургъ II.

4. ОЖЕРЕЛЬЕ.

Руки, вѣчно молодыя,
Мигъ не смѣя пропустить,
Бусы нижутъ золотыя
На серебряную нить.

Жемчугъ крупный, жемчугъ малый
Нижутъ съ утра до утра,
Жемчугъ желтый, жемчугъ алый
Бѣлой нитью серебра.

Кто вы, радостныя парки,
Вы, работницы судебъ?
Нити пестры, нити ярки,
Въ бѣломъ блескѣ я ослѣпъ.

Не моя ли жизнь—тѣ нити?
Жемчугъ—женскія сердца?
Парки вѣщія, нижите
Яркій жемчугъ до конца!

Выбирайте, подбирайте
Жемчугъ крупный и простой,
Кругъ жемчужный завершайте
Быстро-нижущей иглой!

—

Нить почти полна! немножко
Остается бусъ,—и вотъ
Золоченая застежка
Ожерелье,—Смерть,—замкнетъ!

1913.
Москва.

5. ЛѢТОМЪ 1912 ГОДА.

Пора сознаться: я—не молодъ; скоро сорокъ.
Уже не молодость, не вся ли жизнь прошла?
Что впереди? обрывъ иль спускъ? но, общій ворогъ,
Стоитъ старуха-смерть у каждаго угла.
Я жилъ, искалъ усладъ, и правыхъ и неправыхъ,
Мнѣ сны безумные нашептывала страсть,
Губами припадалъ ко всѣмъ земнымъ отравамъ,
Я зналъ, какъ радуетъ, какъ опьяняетъ власть.
Межъ мукъ и радостей, творимыхъ и случайныхъ,
Я, въ лабиринтѣ дней ища упорно путь,
Порой тонулъ мечтой въ предвѣчно-страшныхъ тайнахъ
И въ хаосъ истины порой умѣлъ взглянуть.
Я дрожь души своей, ее вмѣщая въ звукахъ,
Сумѣлъ на рядъ вѣковъ побѣдно сохранить,
И долго межъ людей, въ своихъ мечтахъ и мукахъ,
Въ своихъ живыхъ стихахъ, какъ фениксъ, буду жить.
И въ длинномъ перечнѣ, гдѣ Данте, гдѣ Вергилій,
Гдѣ Гете, Пушкинъ, гдѣ рядъ дорогихъ именъ,
Я имя новое вписалъ, чтобъ вѣчно жили
Преданья обо мнѣ, идя сквозь строй временъ.
Загадку новую я задалъ для столѣтій,
На высяхъ, какъ маякъ, зажегъ мечту свою...
Объ чемъ же мнѣ жалѣть на этомъ бѣдномъ свѣтѣ?
Иду безъ трепета и безъ тревогъ стою.
Взмахни своей косой, ты, старая! Быть можетъ,
Ты заждалась меня, но мнѣ—мнѣ все равно.
Въ часъ роковой меня твой голосъ не встревожитъ:
Довольно думано! довольно свершено!

1912.

6. ДОЛЖЕНЪ БЫЛЪ...

Долженъ былъ Геростратъ сжечь храмъ Артемиды въ
Эфесѣ,
Дабы явить идеалъ жаждущихъ славы—вѣкамъ.

Также Іуда, былъ долженъ—предать Христа на распятье:
Образъ предателя тѣмъ былъ завершенъ навсегда.

Былъ Фердинандъ принужденъ оковать цѣпями Колумба:
Ибо тѣ цѣпи—примѣръ неблагодарныхъ владыкъ.

А Бонапарте? онъ могъ ли остаться въ убѣжищѣ
Эльбы?
Былъ бы Елены гранитъ лишнимъ тогда на землѣ!

Пушкинъ былъ долженъ явить намъ, русскимъ, обликъ
Татьяны,
Тютчевъ былъ долженъ сказать: «Мысль изре-
ченная—ложь!»

Такъ и я не могу не слагать иныхъ, радостныхъ, пѣ-
сенъ,
Ибо однажды они были должны прозвучать!

4 апр. 1915.
Варшава.

7. ПАМЯТНИКЪ.

Sume superbiam...
Horatius.

Мой памятникъ стоитъ, изъ строфъ созвучныхъ сло-
женъ.
Кричите, буйствуйте,—его вамъ не свалить!
Распадъ пѣвучихъ словъ въ грядущемъ невозможенъ,—
Я есмь и вѣчно долженъ быть.

И становъ всѣхъ бойцы, и люди разныхъ вкусовъ,
Въ каморкѣ бѣдняка, и во дворцѣ царя,
Ликуя назовутъ меня— Валерій Брюсовъ,
О другѣ съ дружбой говоря.

Въ сады Украйны, въ шумъ и яркій сонъ столицы,
Къ преддверьямъ Индіи, на берегъ Иртыша,—
Повсюду долетятъ горящія страницы,
Въ которыхъ спитъ моя душа.

За многихъ думалъ я, за всѣхъ зналъ муки страсти,
Но станетъ ясно всѣмъ, что эта пѣснь—о нихъ,
И, у далекихъ грезъ въ неодолимой власти,
Прославятъ гордо каждый стихъ.

И, въ новыхъ звукахъ, зовъ проникнетъ за предѣлы
Печальной родины, и нѣмецъ, и французъ
Покорно повторятъ мой стихъ осиротѣлый,
Подарокъ благосклонныхъ Музъ.

Что слава нашихъ дней?—случайная забава!
Что клевета друзей?—презрѣніе хуламъ!
Вѣнчай мое чело, иныхъ столѣтій Слава,
Вводя меня въ всемірный храмъ.

Іюль 1912.

II. СЫНЪ ЗЕМЛИ.

Я—сынъ земли...
В. Б.

---

1. СЫНЪ ЗЕМЛИ.

Я—сынъ земли, дитя планеты малой,
Затерянной въ пространствѣ міровомъ,
Подъ бременемъ вѣковъ давно усталой,
Мечтающей безплодно о иномъ.

Я—сынъ земли, гдѣ дни и годы—кратки,
Гдѣ сладостна зеленая весна,
Гдѣ тягостны безумныхъ душъ загадки,
Гдѣ сны любви баюкаетъ луна.

Отъ протоплазмы до ихтіозавровъ,
Отъ дикаря, съ оружьемъ изъ кремня,
До гордыхъ храмовъ, дремлющихъ межъ лавровъ,
Отъ перваго пророка до меня,—

Мы были узники на шарѣ скромномъ,
И сколько разъ, въ безсчетной смѣнѣ лѣтъ,
Упорный взоръ земли въ просторѣ темномъ
Слѣдилъ съ тоской движенія планетъ!

Къ тѣмъ сестрамъ нашей населенной суши,
Къ тѣмъ дочерямъ единаго отца
Какъ много разъ взносились наши души,
Мечты поэта, думы мудреца!

И, сынъ земли, единый изъ безсчетныхъ,
Я въ безконечное бросаю стихъ,—
Къ тѣмъ существамъ, тѣлеснымъ иль безплотнымъ,
Что мыслятъ, что живутъ въ мірахъ иныхъ.

Не знаю, какъ мой зовъ достигнетъ цѣли,
Не знаю, кто привѣтъ мой донесетъ,
Но, если тѣ любили и скорбѣли,
Но, если тѣ мечтали въ свой чередъ,

И жадной мыслью погружались въ тайны,
Слѣдя лучи, горящіе вдали,—
Они поймутъ мой голосъ не случайный,
Мой страстный вздохъ, домчавшійся съ земли!

Вы, властелины Марса иль Венеры,
Вы, духи свѣта иль, быть можетъ, тьмы,—
Вы, какъ и я, храните символъ вѣры:
Завѣтъ о томъ, что будемъ вмѣстѣ мы!

1913

2. ЗЕМЛѢ.

Я—вашъ, я вашъ родичъ, священные гады!
Ив. Коневской.

Какъ отчій домъ, какъ старый горецъ горы,
Люблю я землю: тѣнь ея лѣсовъ,
И моря ропоты, и звѣздъ узоры,
И странныя строенья облаковъ.

Къ зеленымъ далямъ съ дѣтства взоръ пріученъ,
Съ единственной луной сжилась мечта,
Давно для слуха грохотъ грома звученъ,
И глазъ усталый нѣжитъ темнота.

Въ безвѣстномъ мірѣ, на иной планетѣ,
Подъ сѣнью скалъ, подъ лаской алыхъ лунъ,
Съ тоской любовной вспомню свѣты эти
И ровный ропотъ океанскихъ струнъ.

Среди живыхъ цвѣтовъ, существъ крылатыхъ,
Я затоскую о своей землѣ,
О счастьи рукъ, въ объятьи тѣсномъ сжатыхъ,
Подъ старымъ дубомъ, въ серебристой мглѣ.

Въ Эдемѣ вѣчномъ, гдѣ конецъ исканьямъ,
Гдѣ намъ блаженство ставитъ свой предѣлъ,
Мечтой перенесусь къ земнымъ страданьямъ,
Къ восторгу и томленью смертныхъ тѣлъ.

Я братъ звѣрью, и ящерамъ, и рыбамъ,
Мнѣ внятенъ ростъ весной встающихъ травъ.
Молюсь землѣ, къ ея священнымъ глыбамъ
Устами неистомными припавъ!

1912.

3 ПРЕДВѢЩАНІЕ.

Быть можетъ, суждено землѣ
Въ послѣднемъ холодѣ застынуть;
Всему живому—въ мертвой мглѣ
Съ безвольностью покорной сгинуть.

Сначала въ бѣлый блескъ снѣговъ
Земля невѣстой облачится;
Туманъ, безстрастенъ и суровъ,
Надъ далью нивъ распространится;

Въ мохнатыхъ мантіяхъ, лѣса—
Прозрачныхъ пальмъ, какъ стройныхъ сосенъ,—
Напрасно глядя въ небеса,
Ждать будутъ невозможныхъ веснъ;

Забывъ утѣхи давнихъ игръ,
Заснутъ въ водѣ промерзшей рыбы,
И ляжетъ, умирая, тигръ
На бѣло-ледяныя глыбы...

Потомъ изсякнетъ и вода,
Сводъ неба станетъ ясно-синимъ,
И солнце,—малая звѣзда,—
Чуть заблеститъ нагимъ пустынямъ.

Пойдетъ послѣдній человѣкъ
(О, дѣти жалкихъ поколѣній!)
Искать послѣднихъ, скудныхъ рѣкъ,
Послѣднихъ жалостныхъ растеній,

И не найдетъ. Въ безумьи, онъ
Съ подругой милой, съ братомъ, съ сыномъ,
Тоской и жаждой опьяненъ,
Заспоритъ о глоткѣ единомъ.

И всѣ умрутъ, грызясь, въ борьбѣ,
Но глазъ не выклюютъ имъ птицы.
Земля, покорная судьбѣ,
Помчитъ лишь трупы да гробницы.

И только, можетъ быть, огни,
Зажженные въ вѣкахъ далекихъ,
Все будутъ трепетать въ тѣни,
Какъ взоры городовъ стоокихъ.

1912.

4. ЗЕМЛЯ МОЛОДАЯ.

Зданья громадныя стройте,
Высьте надъ башнями башни,
Сводомъ стеклянньмъ закройте
Свободныя пашни;

Солнцами солнце затьмите,
Рѣки замкните гранитомъ,
Полюсы соедините
Тоннелемъ прорытымъ;

Правьте движеньемъ планеты,—
Бѣгомъ въ пространствѣ небесномъ,
Бросьте сигнальные свѣты
Мірамъ неизвѣстнымъ;—

Воля проснется природы,
Грозно на дерзкихъ возстанетъ,
Рухнутъ прозрачные своды,
Желѣзо обманетъ;

Сгинутъ твердыни во прахѣ;
Здѣсь, надъ погостомъ столицы,
Дики покажутся взмахи
Полуночной птицы;

Выйдутъ и львы и медвѣди
Вновь, изъ забытой берлоги,
Лягутъ на плитахъ изъ мѣди
Въ упавшемъ чертогѣ;

Вскроетъ,—глухимъ содраганьемъ
Прежнее племя сметая,—
Дали—грядущимъ созданьямъ
Земля молодая!

1913.

5. ДѢТСКІЯ УПОВАНІЯ.

Снова ночь и небо, и надменно
Красный Марсъ блистаетъ надо мной.
Рабъ земли, окованный и плѣнный,
Что томиться грезой неземной?

Не свершиться дѣтскимъ упованьямъ!
Не увидишь, умиленный, ты,—
Новый лучъ надъ вѣчнымъ мірозданьемъ:
Нашъ корабль въ просторахъ пустоты!

Не свершишь ты перваго полета,
Не прочтешь и на столбцахъ газетъ,
Что безвѣстный, нынѣ славный, кто-то,
Какъ Колумбъ, увидѣлъ новый свѣтъ.

Что-жъ, покорствуй! Но душа не хочетъ
Разставаться съ потаеннымъ сномъ
И, рыдая, радостно пророчитъ
О великомъ имени земномъ.

О, ужель, какъ дикій краснокожій,
Удивится пришлецамъ Земля?
И придетъ крестить любимецъ Божій
Наши воды, горы и поля?

Нѣтъ! но мы, своимъ владѣя свѣтомъ,
Мы, кто стягъ на полюсъ донесли,
Мы должны нести другимъ планетамъ
Благовѣстье маленькой Земли!

1914.
Зегевольдъ.

III. ПЕРЕДЪ ТОБОЮ Я.

Но что мной зримая вселенна
И что передъ Тобою я!

Г. Державинъ.

---

1. ГИМНЪ БОГАМЪ.

Я вѣрую въ мощнаго Зевса, держащаго выси вселенной
Державную Геру, чьей волей обѣты семейные святы;
Властителя водъ Посейдона, мутящаго глуби трезубцемъ;
Владыку подземнаго царства, судью неподкупнаго Гада;
Великую мудрость Паллады, дающей отважныя мысли;
Губящую Ареса силу, влекущаго дерзостныхъ къ бою;
Блаженную мирность Деметры, подъ чьимъ покровительствомъ пашни;
Священную Гестіи тайну, чьей благостью домъ осчастливенъ;
Твой поясъ, таящій соблазны, связующая страсть, Афродита;
Твой лукъ съ тетивой золоченой, ты, дѣва вовѣкъ, Артемида;
Пѣвуче-безсмертную лиру метателя стрѣлъ Аполлона;

Могучій и творческій молотъ кующаго тайны Ге-
фЕста;
И легкую, умную хитрость посланника съ крыльями
Герма.
Я вѣрую, съ Зевсомъ начальнымъ, въ двѣнадцать без-
смертныхъ. Стихіи
Покорны ихъ благостной волѣ; земля, подземелье и небо
Подвластны ихъ грознымъ велѣньямъ; и смертные, съ
робкимъ восторгомъ,
Привѣтствуютъ въ образахъ вѣчныхъ что было, что
есть и что будетъ.
Храните, о, боги, надъ міромъ владычество нынѣ и присно!

1913.

2. ГИМНЪ АФРОДИТѢ.

Гимны слагать не устану безсмертной и свѣтлой богинѣ.
Ты, Афродита-Любовь, какъ царила, такъ царствуешь нынѣ.
Алыми бѣлый алтарь твой вѣнчаемъ мы снова цвѣтами,
Радостный ликъ твой паритъ съ безмятежной улыбкой надъ нами,

Правду какую явить благосклонной улыбкой ты хочешь?
Мраморомъ устъ неизмѣнныхъ какія видѣнья пророчишь?
Смотрятъ куда неподвижно твои беззакатныя очи?
Дали становятся уже, вѣка и мгновенья короче:

Да, и пространство и время слились,—гдѣ кадильница эта,
Здѣсь мудрецовъ откровенья, здѣсь вѣщая тайна поэта,
Ноги твои попираютъ разгадку и смыслъ мірозданья.
Робко къ колѣнамъ твоимъ приношу умиленную дань я.

Съ дѣтства меня увлекала къ далекимъ святынямъ тревога,
Долго въ скитаньяхъ искалъ я - вождя, повелителя, бога.
Отъ алтарей къ алтарямъ приходилъ въ безпокойствѣ всегдашнемъ,
Завтрашній день прославлялъ, называя сегодня—вчерашнимъ.

Вотъ возвращаюсь къ тебѣ я, богиня богинь Афродита!
Вижу: тропа въ безконечность за мраморомъ этимъ открыта.
Тайное станетъ мнѣ явнымъ, твоей лишь повѣрю я власти,
Въ часъ, какъ покорно предамся послѣдней, губительной страсти...

1913

3. ЦАРИЦА СТРАСТЬ.

Ты къ мальчику проникнешь вкрадчиво,
Добра, какъ старшая сестра;
Браня его, какъ брата младшаго,
Ты ласково шепнешь: «Пора!»
Въ насмѣшливомъ, коварномъ шопотѣ
Соблазнъ неутомимый скрытъ.
И вотъ—мечта о жгучемъ опытѣ
Сны и безсонницу томитъ.

Ты дѣвушку, какъ мать заботливо,
Подъ грѣшный пологъ проведешь;
Въ послѣднемъ спорѣ изворотливо
Найдешь губительную ложь;
Въ минуты радости измѣнчивой
Подскажешь тихо: «Ты права!»
И вынудишь языкъ застѣнчивый
Твердить безстыдныя слова.

Ты женщинѣ, какъ другъ испытанный,
Оставшись съ ней наединѣ,
Напомнишь про романъ прочитанный,
Про обликъ, видѣнный во снѣ.
И, третья между двухъ, незримая,
Въ альковной душной темнотѣ,
Какъ цѣль, вовѣкъ недостижимая,
Покажешься ея мечтѣ.

Кто, кто изъ насъ тебѣ обманчивой
Не взмолится, безъ словъ, тайкомъ?
Ты нѣжно скажешь: «Не заканчивай
Томящихъ грезъ: я—предъ концомъ...»
И видя въ слабости поверженнымъ
Блаженно-жалкаго раба,
Вдругъ засмѣешься смѣхомъ сдержаннымъ
Царица, воля чья—судьба!

Дек. 1914. Мартъ 1915.

4. ИСТИННЫЙ ОТВѢТЪ.

«Ты умрешь, и большаго не требуй!
Благъ законъ всевидящей Судьбы.»
Такъ гласятъ, вздымая руки къ небу,
Бога Вишну хмурые рабы.
Подъ кумиромъ тяжкимъ гнутся зебу,
Выпрямляя твердые горбы.

«Ты живешь, и большаго не надо!
Высшій даръ Судьбой всезрящей данъ.»
Восклицаетъ буйная менада,
Подымая высоко тимпанъ.
Въ рощѣ лавровъ—тихая прохлада,
Мраморъ Вакха—солнцемъ осіянъ.

«Жизнь отдать за вѣчный Римъ, въ которомъ
Капля ты—будь этой долѣ радъ!»
Такъ ораторъ, съ непреклоннымъ взоромъ,
Говоритъ подъ сводами аркадъ.
Солнце щедро льетъ лучи на форумъ,
Тоги бѣлыя въ лучахъ горятъ.

«Эта жизнь—лишь краткій призракъ сонный,
Человѣкъ! жизнь истинная—тамъ!»
Въ черной рясѣ инокъ изможденный

Вопіетъ мятущимся вѣкамъ.
Строги въ высь ушедшія колонны,
Сумраченъ и безпощаденъ храмъ.

«Единенье атомовъ случайныхъ—
Наша жизнь, смерть—распаденье ихъ.»
Разсуждаетъ, фракъ надѣвъ, о тайнахъ
Чортъ, въ кругу учениковъ своихъ.
За окномъ напѣвъ звонковъ трамвайныхъ,
Гулъ безсвязный шумовъ городскихъ.

Жрецъ на зебу, пьяная вакханка,
Римскій риторъ, пламенный аскетъ,
Хитрый чортъ, съ профессорской осанкой,
Кто-жъ изъ нихъ дастъ истинный отвѣтъ?
Ахъ, не ты-ль, съ прозрачнымъ ядомъ стклянка?
Ахъ, не ты-ль, отточенный стилетъ?

1913.
Петербургъ.

5. ULTIMA THULE.

Гдѣ океанъ, вѣкъ за вѣкомъ, стучась о граниты,
Тайны свои разглашаетъ въ задумчивомъ гулѣ,
Высится островъ, давно моряками забытый,—
Ultima Thule.

Вымерли конунги, здѣсь что царили когда-то,
Ихъ корабли у чужихъ береговъ затонули.
Грозно безлюдье вокругъ, и молчаньемъ объята
Ultima Thule.

Даже и птицы чуждаются хмурыхъ прибрежій,
Гдѣ и тюлени на камняхъ не дремлютъ въ іюлѣ,
Гдѣ и киты проплываютъ все рѣже и рѣже...
Ultima Thule!

Островъ, гдѣ нѣтъ ничего и гдѣ все только было,
Краемъ желаннымъ ты кажешься мнѣ потому ли?
Властно къ тебѣ я влекомъ неизвѣданной силой,
Ultima Thule.

Пусть на твоихъ плоскогорьяхъ я буду единымъ!
Я посѣщу рядъ могилъ, гдѣ герои уснули,
Я поклонюсь твоимъ древнимъ угрюмымъ руинамъ,
Ultima Thule.

И, какъ король, что въ безсмертной балладѣ помянутъ,
Брошу свой кубокъ съ утеса, въ добычу акулѣ!
Канетъ онъ въ безднѣ, и съ нимъ всѣ желанія канутъ...
Ultima Thule!

1915.

ЗЕЛЕНЫЙ.

IV. Въ странѣ тишины.—V. Невѣдомый прохожій.—
VI. Природы соглядатай.

IV. Въ странѣ тишины.

И сердце не вѣритъ въ странѣ тишины...
«Вѣнокъ»

1. Въ разные годы.

Въ разные годы
Къ вамъ приходилъ я, граниты,
Глядѣться въ недвижно-прозрачныя воды;
Приносилъ и веселье и грусть,
Приходилъ и у страсти во власти и странно-ничей,
И вы,
Мохомъ и верескомъ алымъ повиты,
Въ коронахъ изъ царственныхъ сосенъ,
Встрѣчали меня, какъ волхвы,
Всегда,—и съ тѣхъ поръ
Помню я наизусть
И сладкія ласки зеркальныхъ озеръ,
И напѣвы волшебные бѣлыхъ ночей,
И младенческій лепетъ вкрадчивыхъ весенъ,
И Иматры бѣлоголовой
Немолчные стоны.
И снова
На бурые камни, на зеленые склоны
Я принесъ роковую печаль...

Предвѣчную мудрость храня,
Опять на меня
Поглядите сурово,
Какъ смотрите вы въ безконечную даль,
И подъ ревъ водопада, подъ ропотъ озерный,
Подъ шелестъ чуть слышный хвои,
Шепните, что вы, горделиво-упорны,
Столѣтья таите отъ міра страданья свои!

1913.

2. ИМАТРА.

Кипитъ, шумитъ. Она—все та же,
Ея не измѣнился духъ!
Гранитамъ, дремлющимъ на стражѣ,
Она реветъ проклятья вслухъ.

И, глыбы водъ своихъ бросая
Во глубь, бѣла и вспѣнена,
Отъ края камней и до края,
Одно стремленіе она.

Что здѣсь? драконовъ древнихъ гривы?
Бизоновъ бѣшеныхъ стада?
Твой грозный гулъ, твои извивы
Летятъ, все тѣ же, сквозь года.

Неукротимость, неизмѣнность,
Желанье сокрушить свой плѣнъ
Горятъ сквозь зыбкую мгновенность
Вѣнчанныхъ радугами пѣнъ!

Кипи, шуми, стремись мятежнѣй,
Гуди, сѣдой водоворотъ,
Дай вѣрить, что я тоже прежній
Стою надъ распрей прежнихъ водъ!

1913.
Imatra.

3. НАДЪ ИМАТРОЙ.

Размѣръ ямбическаго триметра
Мнѣ слышенъ въ гулѣ водъ твоихъ.
Въ твоемъ глухомъ гудѣньи, Иматра,
Есть правильный и строгій стихъ.

И сосны, въ ладъ съ тобой раскачены,
Колебля рыжіе стволы,
Слагаютъ гимнъ, людьми утраченный,
Вамъ вторя, пѣнные валы.

Пещеры, откликами смутными
Вливаясь въ вашъ созвучный хоръ,
Ведутъ съ громадами минутными
Давно начатый разговоръ.

И даже дольмены гранитные,
Въ отвѣтъ на вашъ немолчный зовъ,
Возносятъ пѣсни первобытныя,
Клиръ еле слышныхъ голосовъ.

Все вкругъ, въ затишьи и подъ вѣтрами,
Подъ солнцемъ, при лунѣ, во мглѣ,
Поетъ назначенными метрами
Хвалу стоустую Землѣ!

1913.
Imatra.

4. У КРУГЛАГО КАМНЯ.

Бѣлѣя, ночь приникла къ яхтѣ,
Легла на сосны пеленой...
Отава, Пейва, Укко, Ахти,
Не ваши-ль тѣни предо мной?

Есть слѣдъ ноги на камнѣ старомъ,
Что рядомъ спитъ надъ гладью водъ.
Туони! ты лихимъ ударомъ
Его отбросилъ отъ воротъ!

Бывало, въ грозные хавтаймы,
Неся гранитные шары,
Сюда на тихій берегъ Саймы,
Вы всѣ сходились для игры.

Гдѣ нынѣ косо частоколомъ
Вдали обведены поля,
Подъ вашимъ божескимъ футболомъ
Дрожала древняя земля.

И гдѣ теперь суровый шкиперъ
Фарватеръ ищетъ между скалъ,
Когда-то Юмала-голькиперъ
Лицо отъ пота омывалъ.

Былые матчи позабыты,
И вы—лишь тѣни въ бѣлой мглѣ,—
Но тяжкіе мячи—граниты
Лежатъ въ водѣ и на землѣ.

1913.
Вуоксенниска.

5. САЙМА.

Лодка, порывистымъ вѣтромъ качаема,
Килемъ валы опѣненные рѣжетъ.
Снова прибоями сизая Сайма
Старые камни прибрежія нѣжитъ.

Видны извилины берега пестраго:
Дачи и сосны, пески и граниты...
Выросъ надъ волнами маленькій островъ,
Пѣной, какъ кружевомъ, нѣжно повитый.

Справа—утесы: лишь ели да верески;
Срывъ недоступный—коричневъ и зеленъ.
Вѣтеръ навстрѣчу, упорный и рѣзкій,
Свищетъ надменно изъ древнихъ расщелинъ.

Слѣва—по свѣтлому склону разсѣяны,
Бѣлыя виллы, съ ласкающимъ садомъ,
Въ воду глядятся, какъ смотрятъ въ басейны
Жены гаремовъ прищуренымъ взглядомъ.

Сайма ласкаетъ, почти успокоена,
Насъ, и гранитъ, и садовые флоксы,
Чтобы потомъ, изступленно и знойно,
Броситься грудью на камни Вуоксы.

1913.
Вуоксенниска.

V. НЕВѢДОМЫЙ ПРОХОЖІЙ.

Я—невѣдомый прохожій
Въ суетѣ другихъ бродягъ...
«Urbi et Orbi.»

---

1. ЗАКАТЪ НАДЪ МОРЕМЪ.

Надъ моремъ изъ сѣраго крепа,
На призрачно-розовомъ шелкѣ,
Трупъ солнца положенъ: у склепа
Стоятъ паруса—богомолки.
Предъ ними умершій владыка
Недавно горѣвшаго дня...
Ложатся отъ алаго лика
По водамъ зигзаги огня.

Вотъ справа маякъ полусонный
Взглянулъ циклопическимъ взоромъ:
Весь въ пурпурѣ, дискъ удлиненный
Совпалъ съ водянымъ кругозоромъ:
И волнъ, набѣгающихъ съ силой,
Угрюмѣй звучатъ голоса...
Уже надъ закрытой могилой,
Померкнувъ, стоятъ паруса.

1913.
Noordwijck-an-Zee.

2. НАДЪ СѢВЕРНЫМЪ МОРЕМЪ.

Надъ моремъ, гдѣ древніе фризы,
Готовя отважный походъ,
Пускались въ туманъ сѣро-сизый
По гребнямъ озлобленныхъ водъ,—

Надъ моремъ, что, словно гигантскій,
Титанами вырытый ровъ,
Отрѣзало берегъ британскій
Отъ нижне-германскихъ луговъ,—

Бреду я, въ томленьи счастливомъ
Неясно-ласкающихъ думъ,
По отмели, вскрытой отливомъ,
Подъ смутно-размѣренный шумъ.

Волна набѣгаетъ, узорно
Извивами чертитъ песокъ,
И снова отходитъ покорно,
Горсть раковинъ бросивъ у ногъ;

Летитъ красноклювая птица,
Глядя на меня безъ вражды,
И чаекъ морскихъ вереница
Присѣла у самой воды;

Вдали, какъ на старой гравюрѣ,
Въ туманѣ уходитъ изъ глазъ,
Привыкшій къ просторамъ и къ бурѣ,
Широкій рыбацкій баркасъ...

Поютъ океанскія струны
Напѣвы невѣдомыхъ лѣтъ,
И слушаютъ сѣрыя дюны
Любовно-суровый привѣтъ.

И кажутся сердцу знакомы
И эти напѣвы тоски,
И пѣнные эти изломы,
И влажные эти пески,

И этотъ туманъ сѣро-сизый
Надъ взрытыми далями водъ...
Не съ вами ли, древніе фризы,
Пускался я въ дерзкій походъ?

1913.
Scheveningen.

3. ОКЕАНЪ И ДЮНЫ.

Рушатся волнъ бѣлопѣнные гребни,
Глади песковъ заливаетъ приливъ;
Море трубитъ все надменнѣй, хвалебнѣй
Древній любовный призывъ.

Слушаютъ дюны: привычны имъ пѣсни
Съ дѣтства знакомаго друга-врага;
Пусть онъ грозитъ: годъ за годомъ чудеснѣй
Дальше растутъ берега.

Новой грядой выдвигаются дюны,
Груди свои поднимаютъ,—а онъ,
Вѣчно влюбленный, и сильный, и юный,
Страстью былой распаленъ.

Рушатся бѣлые гребни все ближе
Къ дюнамъ недвижнымъ; ихъ сдвинутый рядъ
Смѣло встрѣчаетъ насильника. Чьи же
Силы въ борьбѣ побѣдятъ?

Мигъ—и впились опѣненныя губы
Прямо въ высокія груди-сосцы...
Чу! то играютъ отзывныя трубы:
Слиты въ объятьи бойцы...

1913.
Noordwijck-an-Zee.

4. ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

Эти милые, красно-зеленые домики,
Эти садики, въ розахъ и желтыхъ и алыхъ,
Эти смуглыя дѣти, какъ малые гномики,
Отраженные въ тихо-застывшихъ каналахъ,—

Эти старыя лавки, гдѣ полки уставлены
Рядомъ банокъ пузатыхъ, давно закоптѣлыхъ,
Этотъ тумъ кабаковъ, заглушенный, подавленный,
Эти рослыя женщины въ чепчикахъ бѣлыхъ,—

Это все такъ знакомо, и кажется: въ сказкѣ я,
И готовъ навожденью воскликнуть я: vade!
Я съ тобой повстрѣчался, Рембрандтова Саскія?
Я въ твой вѣкъ возвращенъ, Адріанъ-ванъ-Остаде?

1913.
Leiden.

5. КЪ СѢВЕРНОМУ МОРЮ.

Я пришелъ съ тобой проститься, море,
Можетъ быть, на долгіе года.
Ты опять—въ сверкающемъ уборѣ,
Въ кружевахъ изъ пѣны, какъ всегда.

И опять валы неутомимо
Ты стремишь на сглаженный песокъ,
Какъ въ тѣ дни, когда впервые—Рима
Ты вдали замѣтило значекъ.

Тѣ же вѣтры сумрачные дули,
Тѣ же облака безстрастно шли,
Въ дни, когда отсюда строгій Юлій
Велъ на дикихъ бриттовъ корабли.

И туманъ надъ ширью океанской
Такъ же плылъ, торжественно-суровъ,
Въ дни, когда сзывалъ Вильгельмъ Оранскій
За свободу родины бойцовъ.

А когда озолотило чудо
Амстердамъ, и Лейденъ, и Анверъ,—
Тѣ же дали видѣли отсюда
Гальсъ, Янъ Стенъ, Гоббема и Фермеръ.

Кесарю, Вильгельмамъ, чародѣямъ
Кисти—лепетало ты привѣтъ.
Тѣмъ же гуломъ ласковымъ лелѣемъ,
Я теперь тебѣ шепчу отвѣтъ.

Проходи, о, море, неизмѣннымъ
Сквозь вѣка, что поглощаютъ насъ,
И узоромъ, призрачнымъ и пѣннымъ,
Покрывай пески въ урочный часъ!

Іюль 1913.
Noordwijck-an-Zee.

6. ЗИМНЕЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ КЪ МОРЮ.

Я скорѣй тебя увидѣлъ снова,
Чѣмъ я ждалъ, просторъ соленыхъ водъ,
Но какъ грустно, грозно и сурово
Ты влачишь валы на твердый ледъ!

Набѣгаетъ черный валъ съ разбѣга,
Бѣлой пѣны полосой повитъ,
На предѣлъ бѣлѣющаго снѣга,—
И покорно стелется, разбитъ.

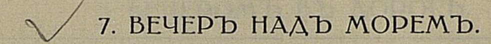
Облака, какъ сѣрыя громады,
Медленно надъ далями плывутъ,
Словно эти дымы моря—рады
Отдохнуть, свершивъ свой лѣтній трудъ.

Рыжихъ сосенъ поросли на дюнахъ
Ждутъ, когда наступитъ черный мракъ,
Вспыхнутъ огоньки на мерзлыхъ шкунахъ,
Завращаетъ красный глазъ маякъ.

Здравствуй, море, сѣверное море,
Зимнее, не знаемое мной!
Новое тебѣ принесъ я горе,
Новое, не бывшее весной!

Успокой, какъ лѣтомъ, и обрадуй
Безконечнымъ ропотомъ валовъ,
Безпредѣльной сумрачной усладой
Волнъ, идущихъ сквозь вѣка вѣковъ!

18 дек. 1913.
Эдинбургъ II.

7. ВЕЧЕРЪ НАДЪ МОРЕМЪ.

Желтымъ золотомъ окрашены
Дали въ просвѣты хвои.
Солнца лучъ полупогашеный
Бьетъ въ прибрежныя струи.

Море сумрачное движется,
Льдины бѣлыя неся.
Въ облакахъ чуть зримо нижется
Свѣтло-синяя стезя.

Краски пламенно-закатныя
Хмурымъ днемъ помрачены,
Но все тѣ-жъ движенья ратныя
Вѣчно зыблемой волны.

Меркнетъ огненное золото,
Скрыто облачнымъ плащемъ,—
И въ послѣдній разъ уколото
Море гаснущимъ лучемъ.

Декабрь 1913.
Эдинбургъ II.

VI. ПРИРОДЫ СОГЛЯДАТАЙ.

Природы праздный соглядатай...
А. Фетъ.

---

1. ВЕЧЕРНІЙ ПАНЪ.

Вечерній Панъ исполненъ мира,
Не позоветъ, не прошумитъ.
Задумчивъ, на лѣсной полянѣ,
Слѣдитъ, какъ вечеръ изъ потира
Льетъ по-небу живую кровь,
Какъ берега бѣлѣютъ вновь
Въ молочно-голубомъ туманѣ,
И ждетъ, когда лучъ алтаира
Въ померкшей сини заблеститъ.

Вечерній Панъ вникаетъ въ звуки,
Встающіе во мглѣ кругомъ:
Въ далекій скрипъ пустой телѣги,
Въ журчанье рѣчки у излуки
И въ кваканье глухихъ прудовъ.
Одинъ, въ безлюдіи святомъ,
Онъ, въ сладкомъ онѣмѣньи нѣги,
Косматыя вздымаетъ руки,
Благословляя царство сновъ.

1914.
Опалиха.

Картина Врубеля "Пан"

2. ВЕЧЕРОМЪ ВЪ ДОРОГѢ.

Кричатъ дрозды; клонясь, дрожатъ
Головки бѣлой земляники;
Березки забѣгаютъ въ рядъ,
Смутясь, какъ дѣвы полудикія.

Чѣмъ дальше, глубже колеи;
Вотъ вышла ель въ старинной тальмѣ...
Уже прозрачной кисеи
Повисла завѣса надъ далями.

Вновь—вечеръ на лѣсномъ пути,
Во всемъ съ инымъ, далекимъ, сходенъ.
Нѣтъ, никуда намъ не уйти
Отъ непонятно милой родины!

Чу! не прощанье-ль крикнулъ дроздъ?
Клонясь, дрожитъ Иванъ-да-Марья.
Въ просвѣтѣ—свѣчи первыхъ звѣздъ
И красный очеркъ полушарія.

1914.
Опалиха.

3. ВЕСНОЙ.

Попискиваютъ птицы
Въ рощѣ березовой;
Сѣтятъ листья тѣнь
На песокъ почти розовой;
Облачковъ вереницы
Стынутъ въ лазури ясной;
Расцвѣтаетъ пригожій день,
Съ душой согласный.

Эти зеленыя травы,
Современницы нашей планеты,
Эта предѣльная синь,
Эти весенніе свѣты,—
Исполнены древней отравы,
Пьянящей, отъ вѣка до вѣка,
Странника міровыхъ пустынь,—
Человѣка.

1914.
Опалиха.

4. ВЕСЕННЕЕ.

Остеженный послѣднимъ снѣгомъ,
Весну встрѣчая, грезитъ лѣсъ,
И тучи тѣшатся разбѣгомъ,
Чертя аэродромъ небесъ.

Кто, исхищренный какъ китаецъ,
Изъ тучъ ряды драконовъ сплелъ?
А, подъ березой, зимній заяцъ
Оглядываетъ, щурясь, долъ.

Вдали водоворотитъ море
На пажить хлынувшей рѣки,
И крыши избъ на косогорѣ,
Какъ нѣжная пастель,—легки.

Не нынче-ль смѣлой увертюрой
Смутитъ насъ первая гроза?
Но солнце, изъ-за ткани хмурой,
Глядитъ на насъ, какъ глазъ въ глаза.

Опять въ душѣ кипитъ избытокъ
И новыхъ риѳмъ и буйныхъ словъ,
И пью, какъ нѣжащій напитокъ,
Я запахъ будущихъ цвѣтовъ.

1912.
Подольскъ.

5. НОЧЬЮ СВѢТЛОЙ.

Ночи свѣтлой, ночи лѣтней
Сумракъ легъ надъ далью сонной.
Цвѣтъ и краски незамѣтнѣй,
Воздухъ дышитъ благовонный.

То рѣка иль то дорога
Вьетъ межъ потемнѣвшихъ пашенъ?
Къ небу вѣтви поднялъ строго
Старый дубъ, суровъ и страшенъ.

Огоньки въ окошкахъ блещутъ,
Небо чище и открытѣй,
Въ нѣжной сини чуть трепещутъ
Пары телеграфныхъ нитей...

1912.
Подольскъ.

6. ЦВѢТИКИ УБОГІЕ.

Цвѣтики убогіе сѣверной весны,
Вѣете вы кротостью мирной тишины.

Ландышъ клонитъ жемчугъ крупныхъ бѣлыхъ слезъ,
Синій колокольчикъ спитъ въ тѣни березъ,

Бѣлая фіалка высится, стройна,
Бѣлая ромашка въ зелени видна,

Здѣсь Иванъ-да-Марья, одуванчикъ тамъ,
Желтенькія звѣзды всюду по лугамъ,

Изрѣдка межъ листьевъ аленькій намекъ,
Словно мохъ безсмертный иммортель-цвѣтокъ,—

Бѣлый, желтый, синій—въ зелени полянъ,
Скромный вѣнчикъ Небомъ обдѣленныхъ странъ!

1912.
Опалиха.

7. КРОТЪ.

Роетъ норы кротъ угрюмый;
Подъ землей чуть слышны шумы
Съ травяныхъ луговъ земли:
Шорохъ, шелестъ, трескъ и щебетъ...
Лапкой кожу кротъ теребитъ:
Мышь шмыгнула невдали.

У крота дворецъ роскошенъ,
Но, покуда лугъ не скошенъ,
Людямъ тотъ дворецъ незримъ.
Подъ цвѣтами скрыты входы,
Подъ буграми—залы, своды...
Кротъ, ты гордъ дворцомъ своимъ!

Роетъ черный кротъ-строитель.
Темныхъ, теплыхъ комнатъ житель,
Онъ чертогъ готовитъ свой,
Ставитъ твердыя подпоры,
И запасыноситъ въ норы,
Пряча въ дальней кладовой.

Милый кротъ, слѣпой рабочій!
Выбирай темнѣе ночи,
Берегись сверканій дня!
Будетъ жалко мнѣ немного—
Повстрѣчать, бредя дорогой,
Черный трупикъ подлѣ пня.

1912.
Опалиха.

8. ТУМАНЪ ОСЕННІЙ.

Туманъ осенній струится грустно надъ сѣрой далью
нагихъ полей,
И сумракъ тусклый, спускаясь съ неба, надъ міромъ
виснетъ все тяжелѣй.

Туманъ осенній струится грустно надъ сѣрой далью
въ нѣмой тиши,
И сумракъ тусклый какъ будто виснетъ надъ темнымъ
міромъ моей души.

Какъ будто ветлы стоятъ надъ рѣчкой, какъ будто
призракъ дрожитъ близь нихъ...
Иль только клубы дрожатъ тумана надъ сѣрой далью
полей нагихъ?

Какъ будто птица, качая крылья, одна мелькнула въ
нѣмой тиши...
Иль только призракъ мелькнулъ былого надъ темнымъ
міромъ моей души?

Здѣсь было солнце! здѣсь были нивы! здѣсь громкій
говоръ жнецовъ не тихъ!
Я помню счастье, и поцѣлуи, и мной пропѣтый звеня-
щій стихъ!

Туманъ осенній, плывущій грустно надъ сѣрой далью
нагихъ полей,
Свое безстрастье, свое дыханье, свое молчанье въ меня
пролей!

1913.
Опалиха.

9. СУХІЯ ЛИСТЬЯ.

Сухія листья, сухія листья,
Сухія листья, сухія листья,
Подъ тусклымъ вѣтромъ, кружатъ, шуршатъ.
Сухія листья, сухія листья,
Подъ тусклымъ вѣтромъ сухія листья,
Кружась, что шепчутъ, что говорятъ?

Трепещутъ сучья подъ тусклымъ вѣтромъ;
Сухія листья, подъ тусклымъ вѣтромъ,
Что говорятъ намъ, намъ шепчутъ что?
Трепещутъ листья, подъ тусклымъ вѣтромъ,
Лепечутъ листья, подъ тусклымъ вѣтромъ,
Но словъ не понялъ никто, никто!

Межъ черныхъ сучьевъ синѣетъ небо,
Такъ странно-нѣжно синѣетъ небо,
Такъ странно-нѣжно прозрачна даль.
Межъ голыхъ сучьевъ прозрачно небо,
Надъ чернымъ прахомъ синѣетъ небо.
Какъ будто небу земли не жаль.

Сухія листья шуршатъ о смерти,
Кружась подъ вѣтромъ, шуршатъ о смерти:
Они блестѣли, имъ время тлѣть.
Прозрачно небо. Шуршатъ о смерти
Сухія листья,—чтобъ послѣ смерти
Въ цвѣтахъ весеннихъ опять блестѣть!

1913.
Опалиха.

КРАСНЫЙ.

VII. Подъ улыбкой солнца...—VIII. Въ буйной слѣпотѣ.—IX. Тамъ, у входа.

VII. ПОДЪ УЛЫБКОЙ СОЛНЦА.

И для нихъ, весною красной,
Подъ улыбкой солнца ясной,
Распускалися цвѣты.
К. Фофановъ.

---

1. ВЪ ТОМЪ ЖЕ ПАРКѢ.

И въ томъ же паркѣ, давнемъ, старомъ,
Гдѣ, отрокъ, ранній свой восходъ
Я праздновалъ, ввѣряясь чарамъ
Безтрепетныхъ озерныхъ водъ,

Гдѣ я слагалъ впервые пѣсни,
Съ мечтой невѣрной о любви,
Гдѣ жизнь все слаще, все чудеснѣй
Шептала въ вѣтрѣ мнѣ: «живи!»

Я прохожу чрезъ годы,—годы,
Исполненные бурь и смутъ,
А вкругъ—все тотъ же блескъ природы,
Все тотъ же мѣрный бѣгъ минутъ!

Какъ будто не было безумій,
Позорныхъ и блаженныхъ лѣтъ:
Я узнаю въ Іюльскомъ шумѣ
Былой, божественный привѣтъ.

И милъ мнѣ чей-то взоръ манящій,
И алость чьихъ-то близкихъ губъ,
И дождь, чуть слышно моросящій,
И зелень острохвойныхъ купъ.

Вы живы, царственныя ели!
Какъ вы, жива душа моя!
Напрасно бури тяготѣли
Годинъ шумящихъ бытія!

Я—тотъ же отрокъ, дерзко-юный,
Вся жизнь, какъ прежде, впереди,
И кедра сумрачныя струны
Мнѣ подъ дождемъ поютъ: «иди!»

Иду я, полонъ прежней вѣры,
Къ безвѣстнымъ далямъ, къ новымъ снамъ,
И этотъ день, туманно-сѣрый,
Вѣкамъ покорно передамъ.

Онъ былъ, онъ есть,—безъ перемѣны
Онъ будетъ жить въ стихѣ моемъ,
Какъ имя нѣжное Елены,
Сплетенное съ мелькнувшимъ днемъ.

Августъ 1912.
Петровское-Разумовское.

2. СКАЗКА.

Я учусь быть добрымъ, я хочу быть ласковымъ.
Вы, стиховъ поющихъ вѣрные хранители:
Это будетъ пѣсня, это будетъ сказка вамъ!
Нѣжныя признанья выслушать хотите ли?

Въ тайный боръ дороги конному и пѣшему
Дикими кустами строго загорожены.
Тамъ русалки вторятъ звонкимъ смѣхомъ лѣшему;
Карликовъ заморскихъ—норы вдоль изложины.

Тамъ, на курьихъ ножкахъ, есть изба Ягиная;
Плачетъ, заблудившись, Гретхенъ съ юнымъ Гензелемъ;
Въ чащѣ, гдѣ не молкнетъ пѣсня соловьиная,
Тамъ—высокій теремъ, съ древне-фряжскимъ вензелемъ.

Въ горницѣ тесовой, у окна открытаго,
Ждетъ меня царевна, Нелли свѣтлорусая.
Къ ней, отъ жизни мѣрной, міра домовитаго,
На конѣ волшебномъ вдругъ переношуся я.

Маленькія руки я ласкаю длительно,
Аленькія губки я цѣлую, радостный;
Смѣхъ ея отвѣтный нѣжитъ такъ цѣлительно,
Взоръ ея мнѣ свѣтитъ: тихій, милый, благостный.

За окномъ Жаръ-Птица пролетитъ, вся въ пламени,
Рюбецаль киркою простучитъ съ участіемъ...
Намъ не нужно лучшихъ, непреложныхъ знаменій:
Въ теремѣ мы дышимъ волшебствомъ и счастіемъ!

О чудесномъ лѣсѣ буду пѣсни складывать,
Разскажу про теремъ сказку—правду мудрую.
Вамъ, друзья напѣвовъ,—слушать и разгадывать:
Гдѣ я взялъ царевну, Нелли свѣтлокудрую!

1912.
Москва.

3. ВЪ ЛОДКѢ.

Завечерѣло озеро, легла благая тишь.
Закрыла чашу лилія, поникъ, уснулъ камышъ.

Примолкли утки дикія; надъ стынущей водой
Лишь чайки, съ крикомъ, носятся, сверкая бѣлизной.

И лодка чуть колышится, одна средь темныхъ водъ,
И бѣлый столбъ отъ мѣсяца по зыби къ намъ идетъ.

Ты замолчала, милая, и я давно молчу:
Мы преданы вечерней мглѣ и лунному лучу.

Туманнѣй дали берега, туманнѣй дальній лѣсъ;
Подъ небомъ, чуть звѣздящимся, міръ отошелъ, исчезъ...

Я знаю, знаю, милая,—въ священной тишинѣ
Ты снова, снова думаешь печально—обо мнѣ!

Я знаю, что за горестной ты предана мечтѣ...
И чайка, съ крикомъ жалобнымъ, пропала въ темнотѣ.

Растетъ, растетъ безмолвіе, ночь властвуетъ кругомъ...
Ты тайно плачешь, милая, клонясь къ водѣ лицомъ.

1912.
Сенежское озеро.

4. ДОЖДЬ И СОЛНЦЕ.

Муаровые отблески сверкаютъ подъ лучемъ.
Мы вновь на тихомъ озерѣ, какъ прежде, мы вдвоемъ.

Дождь легкій, дождь ласкающій кропитъ, кропитъ листву...
Мнѣ кажется, что снова я въ далекомъ снѣ живу.

И солнце улыбается, какъ было годъ назадъ,
И пестрыя жемчужины отряхиваетъ садъ.

Все то же, что томило насъ: и паркъ, и дождь, и прудъ
И сосны острохвойныя нашъ отдыхъ стерегутъ!

Любви порывъ ликующій, какъ странно ты живучъ!
Сквозь дождь, сквозь небо сѣрое сверкаетъ вѣщій лучъ!

За сѣткой—даль туманная, пузырится вода...
О, Солнце! побѣдителемъ останься, какъ тогда!

1913.

5. ПОСЛѢ СКИТАНІЙ.

Послѣ скитаній,
далекихъ и трудныхъ,
вдали заблистали,
Въ нѣжномъ туманѣ,
луговъ изумрудныхъ
знакомыя дали!
Въ морѣ шумящемъ,
подъ ропоты бури,
манило вернуться—
Къ зарослямъ—чащамъ,
къ не-яркой лазури,—
надъ рѣчкой проснуться,
Слыша мычанье
быковъ и призывы
родимой свирѣли...
Кончивъ блужданье,
усталый, счастливый,
вотъ я—у цѣли!

1915.

VIII. ВЪ БУЙНОЙ СЛѢПОТѢ.

Какъ, въ буйной слѣпотѣ страстей,
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!
Ѳ. Тютчевъ.

1.

Итакъ, это—сонъ, моя маленькая,
Итакъ, это—сонъ, моя милая,
Двоимъ намъ приснившійся сонъ!
Полоска засвѣтится аленькая,
И греза вспорхнетъ среброкрылая,
Чтобъ кануть въ дневной небосклонъ.

Но сладостны лики ласкательные,
Въ предутреннемъ свѣтѣ дрожащіе,
Съ улыбкой склоненные къ намъ,
И звѣзды, колдуньи мечтательныя,
Въ окно потаенно глядящія,
Привѣтствія шепчутъ мечтамъ.

Такъ гдѣ-жъ твои губы медлительныя?
Дай сжать твои плечики дѣтскія!
Будь близко, рѣсницы смеживъ!
Пусть вспыхнутъ лучи ослѣпительные,
Пусть дымно растаю въ ихъ блескѣ я,
Но память о снѣ сохранивъ!

1912.
Москва.

2.

Сумракъ тихій, сумракъ тайный,
Другъ, давно знакомый мнѣ,
Безначальный и безкрайный,
Призракъ, зыблющій туманы,
Вышелъ въ лѣсъ и на поляны,
Что-то шепчетъ тишинѣ.

Не слова-ль молитвы старой,
Древней, какъ сама земля?
И опять, подъ вѣчной чарой,
Стали призрачной химерой
Скудный логъ, орѣшникъ сѣрый,
За-шоссейныя поля.

Давній, вѣчный сонъ столѣтій,
Въ свѣтѣ звѣздъ, опять возникъ:
И вся жизнь—лишь вѣтви эти,
Міръ—клочокъ росистый луга,
Гдѣ уста нашли другъ друга,
Вѣчность—этотъ темный мигъ!

1912.
Подольскъ.

3.

Безуміе бѣлаго утра смотрѣло въ окно,
И было все странно-возможно и все—все-равно.

И было такъ странно касаться, какъ къ тайнымъ мечтамъ,
Къ прозрачному дѣтскому тѣлу счастливымъ губамъ.

Но облачный день засвѣтился надъ далью лѣсной,
Все стало и ясно, и строго въ оправѣ дневной.

Ночныя безумныя бездны, гдѣ все—все-равно,
Смѣнило ты, солнце, смѣнило ты, Бородино!

Вотъ снова стоитъ императоръ, и грозный призывъ
Мнѣ слышенъ на полѣ кровавомъ, межъ зрѣющихъ нивъ

«Что страсти предъ гимномъ побѣды, предъ зовомъ Судьбы!
Мы всѣ «увлекаемся Рокомъ», всѣ—Рока рабы!»

Свѣтъ солнца, даль нивъ, тѣнь былого! Какъ странно давно
Безуміе бѣлаго утра смотрѣло въ окно!

Іюль 1912.
Бородино.

4.

Запахъ любимаго тѣла
Въ буйной горячкѣ объятій...
Страсть, какъ костеръ, догорѣла.
Стынутъ два сдавленныхъ тѣла
На помертвѣлой кровати.

Слуху доступно дыханье,
Взоры вперились во что-то.
Вновь возстаетъ міроданье...
Сладостно входитъ въ дыханье
Запахъ и кожи и пота

Тѣло, что сближено съ тѣломъ,
Гордо, безстыдно и наго.
Такъ, въ полуснѣ онѣмѣломъ,
Сладостно сблизиться съ тѣломъ,
Нѣжно увлажненномъ влагой.

Скованы двое истомой
На помертвѣлой кровати,—
Челнъ по теченью влекомый...
Милая! дай мнѣ съ истомой
Медлить въ твоемъ ароматѣ!

1913

5.

Мнѣ вспомнить страшно, вспомнить стыдно
Мои безумныя слова,—
Когда, качаясь серповидно,
Тѣнь на стѣнѣ была жива;

Когда клонилось къ тѣлу тѣло,
Уста искали влажныхъ устъ,
И грезѣ не было предѣла,
А внѣшній міръ былъ странно-пустъ.

Я вѣрилъ, или я не вѣрилъ?
Любилъ вполнѣ, иль не любилъ?
Но я земное небомъ мѣрилъ
И небо для земли забылъ!

Качались тѣни. Губы млѣли.
Свѣтилась тѣла бѣлизна.
И тамъ, вкругъ сумрачной постели,
Была блаженная страна,—

Страна, куда должны причалить
Всѣ золотые корабли,
Гдѣ змѣй желаній сладко жалитъ
И душенъ ароматъ земли!

И не было ни стѣнъ, ни комнатъ,—
Хмель солнца, пьяная трава...
О, неужели мысли вспомнятъ
Мои безумныя слова!

1912.

6.

Мѣсяцъ въ дымкѣ отуманенной
Въ тускломъ небѣ, словно раненый,
Обезсиленный лежитъ.
Всѣ огни давно погашены;
Издалека голосъ башенный
Что-то грустное гудитъ.

Возвращаюсь вновь подъ утро я.
Вновь Минерва, дѣва мудрая,
Держитъ, какъ маякъ, копье.
Тамъ, гдѣ Ларъ стоитъ отеческій,
Мнѣ гласитъ гекзаметръ греческій:
«Въ мірѣ каждому свое!»

Надо улицей пустынною
Проходить мнѣ ночью длинною,
Послѣ вздоховъ роковыхъ,
Чтобъ укусы и объятія,
Чтобъ восторги и проклятія
Превратить въ безсмертный стихъ.

1913

7.

Und mein stamm sind jene Asra.
Welche sterben, wenn sie lieben.
H. Heine.

Я помню легкія пиластры
Закатныхъ облаковъ въ огнѣ,
Когда, со мной цѣлуя астры,
Ты тихо прошептала мнѣ:
«И я, и я—изъ рода азровъ!»

Я помню бредъ безумной ночи,
Бредъ клятвъ, и ласкъ, и слезъ, и мукъ,
Когда, вперивъ въ молчанье очи,
Ты повторила, съ хрустомъ рукъ:
«И я, и я—изъ рода азровъ!»

И помню я твой взглядъ застывшій

. . . .

И въ этотъ мигъ, какъ мечъ губившій,
Твои слова я вспомнилъ вновь:
Да, ты была изъ рода азровъ!

И никогда къ тебѣ, волнуемъ
Желаньемъ, не прильну безъ словъ!
Ты не коснешься поцѣлуемъ
Моихъ сѣдѣющихъ висковъ!
Да, ты была изъ рода азровъ!

И не смотрѣть намъ на пиластры
Вечернихъ облаковъ въ огнѣ,
И ты, со мной цѣлуя астры,
Не повторишь мнѣ, какъ во снѣ:
«И я, и я—изъ рода азровъ!»

1913.

8.

Я не былъ на твоей могилѣ;
Я не принесъ декабрьскихъ розъ
На свѣжій холмъ подъ тканью бѣлой;
Глаза другихъ не осудили
Моихъ, отъ нихъ сокрытыхъ, слезъ.

Ну что же! Въ нѣгѣ онѣмѣлой,
Еще не призванная вновь,
Моихъ ночей ты знаешь муки,
Ты знаешь, что храню я цѣлой
Всю нашу свѣтлую любовь!

Что ужасъ длительной разлуки
Паритъ безсмѣнно надъ душой,
Что часто ночью, въ мглѣ холодной,
Безумно простирая руки,
Безумно вѣрю: ты со мной!

Что-жъ дѣлать? Или жить безплодно
Здѣсь, въ этомъ мірѣ, безъ тебя?
Иль должно жить, какъ мы любили,
Жить изступленно и свободно,
Стремясь, страдая и любя?

Я не былъ на твоей могилѣ.
Не осуждай и не ревнуй!
Мой лучшій даръ тебѣ—не розы:
Все, чѣмъ мы вмѣстѣ въ жизни жили,
Всѣ, всѣ мои живыя грезы,
Всѣ, вновь назначенныя, слезы
И каждый новый поцѣлуй!

1914.

9.

Это—не надежда и не вѣра,
Не мечтой одѣтая любовь:
Это—знанье, что за жизнью сѣрой,
Въ жизни новой, встрѣтимся мы вновь.

Нѣтъ, не жду я райскаго селенья,
Водъ живыхъ и золотыхъ цвѣтовъ,
Вѣчныхъ хоровъ ангельскаго пѣнья
И блаженствомъ зыблемыхъ часовъ.

Не страшусь и пламеннаго ада,
Съ дьяволами въ красныхъ колпакахъ,
Смолъ огнекипящихъ и обряда
Страшнаго суда на облакахъ.

Знаю: тамъ, за этой жизнью трудной,
Снова жизнь и снова тяжкій трудъ;
Насъ въ просторъ лазурно-изумрудный
Крылья бѣлыя не вознесутъ.

Но и тамъ, подъ маской сокровенной,
Съ новымъ даромъ измѣненныхъ чувствъ,
Намъ останется восторгъ священный
Подвиговъ, познаній и искусствъ.

Тамъ, найдя, кого мы потеряли,
Будемъ мы, безъ пламени въ крови,
Снова жить всей сладостью печали
И, прошедшей черезъ смерть, любви!

1914.

IX. ТАМЪ, У ВХОДА.

И покинемъ
Тамъ, у входа,
Покрывала наши мрачныя!
А. Фетъ.

---

1. БЕЗВѢСТНАЯ ВѢСТНИЦА.

Что это? Пѣніе, славленье
Счастья всѣмъ хоромъ земли,
Облачка въ небѣ курчавленье,
Пташекъ веселье въ дали!

Что это? Таянье, млѣніе
Звуковъ, цвѣтовъ и лучей!
Вѣчное право весеннее
Славитъ журчаньемъ ручей.

Какъ же? Не я ли, раздавленный
Глыбой упавшей скалы,
Странникъ, друзьями оставленный,
Вѣстника сумрачной мглы

Ждалъ; но не образъ Меркурія
Грозно сошелъ съ высоты:
Вижу въ прозрѣвшей лазури я
Милыя чьи-то черты.

Кто ты, безвѣстная вѣстница
Тайно наставшей весны?
Фея, богиня, кудесница?
Иль только смутные сны

Нѣжатъ предъ мигомъ томительнымъ,
Насъ подводящимъ къ концу?
Ты, съ удивленьемъ медлительнымъ,
Клонишься тихо къ лицу...

Пѣніе, млѣніе, алые
Свѣты наполнили храмъ...
Мигъ! и уста не усталыя
Жадно прижалъ я къ устамъ!

1914.

2. НА САНКАХЪ.

Санки, въ радостномъ разбѣгѣ,
Покатились съ высоты.
Бѣлая на бѣломъ снѣгѣ
Предо мной смѣешься ты.

Чуть дрожатъ, качаясь, сосны,
Съ моря вѣетъ вѣтерокъ...
Вѣрю: снова будутъ весны,
День счастливый недалекъ.

Нѣтъ ни ужаса, ни горя:
Улыбнулся дѣтскій ликъ,
И морозный вѣтеръ съ моря
Въ душу ласково проникъ.

Надо легкимъ быть, какъ санки,
Надо жить лишь для игры,
И летѣть во глубь, къ полянкѣ,
Склономъ сглаженной горы!

Снова, въ радостномъ разбѣгѣ,
Санки мчатся съ высоты,
И, упавъ, на бѣломъ снѣгѣ,
Бѣлая, смѣешься ты!

1914.

3. ВЪ ЛОДКѢ РЫБАЦКОЙ.

Въ лодкѣ рыбацкой, недвижной въ снѣгу,
Какъ хорошо вѣрить въ счастье мгновенья!
Волны шумятъ на морскомъ берегу,
Льдины бросаютъ на снѣгъ, какъ каменья.

Дымъ разстилаетъ вдали пароходъ;
Сзади высокія сосны застыли.
Здѣсь, передъ дикой мятежностью водъ,
Какъ не забыть, что мы есть, чѣмъ мы были!

Прошлаго нѣтъ. Это—будущихъ дней
Волны играютъ у грани прибрежной....
Милая, вѣрь тайной вѣрѣ моей:
То, что намъ снится,—всегда неизбѣжно.

Въ эти мгновенья,—межъ льдистыхъ снѣговъ,
Въ эти мгновенья на отмели бѣлой,
Какъ не разслышать властительный зовъ,
Какъ не понять, что намъ море пропѣло!

Въ лодкѣ рыбацкой, застывшей въ снѣгу,
Словно на бѣломъ, тяжеломъ причалѣ,
Случай, какъ валъ на морскомъ берегу,
Будто зоветъ насъ въ безвѣстныя дали!

1914.

4. ВЪ СТАРИННОЙ РИГѢ.

Здѣсь, въ старинной Ригѣ,
Въ тихій день ненастья,
Кротко я встрѣчаю
Маленькіе миги
Маленькаго счастья.

Домъ Черноголовыхъ
Смотритъ такъ любовно,
Словно радъ онъ маю;
Двухъ, любить готовыхъ,
Ободряетъ словно.

Подъ дождемъ такъ ярко
Зеленѣютъ липки
Зеленью весенней;
Ахъ, деревья парка
Намъ дарятъ улыбки!

Вѣтерка морского
Нѣжитъ легкій холодъ...
Тайно сходятъ тѣни...
Иль влюбленъ я снова?
Иль я снова молодъ?

1914.

5. МГНОВЕНЬЯ МГНОВЕННѢЕ.

Мгновенья мгновеннѣе...
А. Добролюбовъ.

I. Утромъ.

Черный и упрямый локонъ вьется нѣжно близъ меня,
Но упорно въ рамы оконъ льется снѣжный отблескъ дня.

Тайны ночи поблѣднѣли, дали грубы, грубъ ихъ свѣтъ...
Не случайно очи млѣли! ждали губы губъ въ отвѣтъ!

Ты невольно грудь склонила... Какъ тревожно дышишь ты!..
О, какъ больно! Будь, что было! Можно все,—услышь мечты!

Внемлешь? нѣтъ? Упрямый локонъ съ плечъ скатился, соскользнулъ...
Иль ты дремлешь? Въ рамы оконъ, словно мечъ, вонзился гулъ.

II. На лыжахъ.

Опьяняетъ смѣлый бѣгъ.
Овѣваетъ бѣлый снѣгъ.

Рѣжутъ шумы тишину.
Нѣжатъ думы про весну.

Взглядомъ, взглядомъ облелѣй!
Рядомъ, рядомъ—и скорѣй!

Твой ли станъ склоненъ ко мнѣ?
Все-ль обманъ и сонъ во снѣ?

Міръ во власти зимнихъ нѣгъ,
Миги заститъ дымный снѣгъ.

III. Какъ неяркіе бутоны.

Какъ неяркіе бутоны превращаютъ лепестки
Въ ярко-радостныя розы, ало-красные цвѣты;—
Такъ твой ропотъ затаенный, стоны дѣвичей тоски,
Стали—сладостныя грезы, жадно-страстныя мечты!

И, какъ бѣлая лилея, надъ прозрачностью пруда,
Закрываетъ въ лунномъ свѣтѣ свой уборъ, дыша чуть-чуть;—
Такъ, несмѣлая, пьянѣя, въ дрожи брачнаго стыда,
Опускаешь взоръ, какъ дѣти, ты,—спѣша ко мнѣ на грудь!

Но, во мглѣ наставшей ночи, сны Красавицы Ночной
Дышатъ томно, дышатъ страстно, въ лѣтней, душной тишинѣ;—
Такъ, опять поднявши очи, чуть лукавя съ темнотой,
Ты нескромно, ты безгласно—ждешь, послушна, какъ во снѣ!

1914.

6. СИРЕНОЧКА.

Въ лѣсу пропѣла пѣночка
И дятелъ простучалъ.
Приди ко мнѣ, сиреночка:
Часъ призраковъ насталъ.

Росой чуть-чуть увлажены,
И мхи послушно спятъ,
А съ неба, словно въ скважины,
Къ намъ звѣздочки глядятъ.

Простерли сосны темныя
Надъ ложемъ бахрому;
Здѣсь канутъ всѣ нескромныя
Слова—въ глухую тьму.

Приди! Никѣмъ не слышаны,
Въ тиши зашепчемъ вновь,
Все вкрадчивѣй, все тише мы
Про счастье, про любовь.

Вновь склонитъ, съ неизбѣжностью,
Мечта—къ устамъ уста,
И кругъ замкнетъ надъ нѣжностью,
До утра, темнота.

А утромъ крикнетъ пѣночка,
Встревожитъ дятелъ тишь,
И ты, моя сиреночка,
Скользнешь въ рѣчной камышъ.

1914.

7. УМЕРШИМЪ МИРЪ!

Умершимъ миръ! Пусть спятъ въ покоѣ
Въ нѣмой и черной тишинѣ.
Надъ нами солнце золотое,
Предъ нами волны—всѣ въ огнѣ.

Умершимъ миръ! Ихъ память свято
Въ глубинахъ сердца сохранимъ.
Но дали манятъ, какъ когда-то,
Въ свой лиловато-нѣжный дымъ.

Умершимъ миръ! Они сгорѣли,
Имъ поцѣлуй спалилъ уста.
Такъ пусть и насъ къ такой же цѣли
Ведетъ безумная мечта!

Умершимъ миръ! Но да не встанетъ
Предъ нами горестная тѣнь!
Что было, да не отуманитъ
Теперь воспламененный день!

Умершимъ миръ! Но мы, мы дышимъ.
Пока по жиламъ бьется кровь,
Мы всѣ призывы жизни слышимъ
И твой священный зовъ, Любовь!

Умершимъ миръ! И насъ не минетъ
Послѣднiй, безпощадный часъ,
Но здѣсь, пока нашъ взглядъ не стынетъ,
Глаза пусть ищутъ милыхъ глазъ!

1914.

ЖЕЛТЫЙ.

X. Стоимъ, мы слѣпы...—XI. Высокихъ зрѣлищъ зритель...—
XII. Тамъ, на Западѣ...

X. СТОИМЪ, МЫ СЛѢПЫ...

Стоимъ, мы слѣпы, предъ судьбою...
Ѳ. Тютчевъ.

---

1. ПОСЛѢДНЯЯ ВОЙНА.

Свершилось. Рокъ рукой суровой
Приподнялъ завѣсу временъ.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.

Покрывъ столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война.

И все, о чемъ съ безплоднымъ жаромъ
Пугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.

Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣсненныхъ
Не голосъ ли надеждъ возникъ?
Призывъ племенъ порабощенныхъ
Врывается въ военный крикъ.

Подъ топотъ армій, громъ орудій,
Подъ ньюпоровъ гудящій летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ.

Такъ! слишкомъ долго мы коснѣли
И длили Валтассаровъ пиръ!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенымъ выйдетъ міръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строенье шаткое вѣковъ;—
Въ невѣрномъ озареньи славы
Грядущій міръ да будетъ новъ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы;—
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

20 іюля 1914.

2. СТАРЫЙ ВОПРОСЪ.

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы неумѣстной.
Предъ строемъ опасныхъ враговъ
Сомкнемся спокойно и тѣсно.

Не надо обманчивыхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій;
Но Рокъ подымаетъ вопросъ:
Мы кто въ этой старой Европѣ?

Случайные гости? орда,
Пришедшая съ Камы и съ Оби,
Что̀ яростью дышитъ всегда,
Все губитъ въ безсмысленной злобѣ?

Иль мы—тотъ великій народъ,
Чье имя не будетъ забыто,
Чья рѣчь и понынѣ поетъ
Созвучно съ напѣвомъ санскрита?

Иль мы—тотъ народъ-часовой,
Сдержавшій напоры монголовъ,
Стоявшій одинъ подъ грозой
Въ вѣка испытаній тяжелыхъ?

Иль мы—тотъ народъ, кто обрѣлъ
Двухъ сфинксовъ на отмели невской,
Кто міру титановъ привелъ,
Какъ Пушкинъ, Толстой, Достоевскій?

Да, такъ, мы—славяне! Инымъ
Донынѣ-ль нашъ родъ ненавистенъ?
Легендой ли кажутся имъ
Слова историческихъ истинъ?

И что же! священный союзъ
Ты видишь, надменный германецъ?
Не съ нами-ль свободный французъ,
Не съ нами-ль свободный британецъ?

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явимъ предъ ликомъ вѣковъ,
Въ чемъ наше народное право.

Не надо несбыточныхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій.
Мы старый рѣшаемъ вопросъ:
Кто мы въ этой старой Европѣ?

30 іюля 1914.

3. НАШИ ДНИ.

Не вброшены-ль въ былое всѣ мы,
Иль въ твой волшебный міръ, Уэллсъ?
Не блещутъ ли мечи и шлемы
Надъ стрѣлами звенящихъ рельсъ?

Какъ будто рыцарскія тѣни,
Въ лучахъ прожекторовъ, опять
Летятъ на буйный пиръ сраженій
Торжествовать и умирать!

Смотря въ загадочныя дали,
Мы смѣло ждемъ безмѣрныхъ дѣлъ,
Вновь подвиговъ при Ронсевалѣ,
Твоихъ ударовъ, Карлъ Мартеллъ!

А мѣрно съ Эйфелевой башни
Летитъ неслышимая рѣчь,
Чтобъ все, что вѣдалъ день вчерашній,
Для будущихъ временъ сберечь.

Ротаціонныя машины
Стучатъ какъ ночью, такъ и днемъ,
Чтобъ мигъ не минулъ ни единый,
Газетнымъ позабытъ столбцомъ.

И сквозь налетъ ночныхъ тумановъ,
Какъ призраки иныхъ вѣковъ,
Горятъ глаза аэроплановъ
Надъ свѣтомъ вражескихъ костровъ.

9 августа 1914.

4. КРУГИ НА ВОДѢ.

Отъ камня, брошеннаго въ воду,
Далеко ширятся круги.
Народъ передаетъ народу
Проклятый лозунгъ: «мы—враги!»

Племенъ враждующихъ не числи:
Круги бѣгутъ, имъ нѣтъ числа;
Въ лазурной Марнѣ, въ желтой Вислѣ
Влачатся чуждыя тѣла.

Въ святыхъ просторахъ Палестины
Уже звучатъ шаги войны:
Въ Анголѣ дѣвственной—долины
Ея стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флотъ не отважившійся въ бой.

Вездѣ—вражда! гдѣ райской птицы
Воздушный зыблется полетъ,
Гдѣ въ джунгляхъ страшенъ стонъ тигрицы,
Гдѣ землю давитъ бегемотъ!

Въ чудесныхъ, баснословныхъ странахъ
Визгъ пуль и пушекъ ровный ревъ,
Повязки бѣлыя на ранахъ
И пятна красныя крестовъ!

Внимая дальнему удару,
Встаютъ народы, какъ враги,
И по всему земному шару
Бѣгутъ и ширятся круги.

2 окт. 1914.
Варшава.

5. ПОРА!

Была пора ударить бурѣ,
Расчистить хмурый небосводъ.
И вотъ—нѣтъ проблесковъ лазури,
Гроза гремитъ, гроза растетъ.

То не камышъ подъ вѣтромъ гнется,—
Твердыни крѣпостей дрожатъ;
Не дождь на травы пастбищъ льется,—
Стальной стучитъ по грудямъ градъ;

То не деревья, въ вихрѣ яромъ,
На берегъ рухнули пруда,—
Кругомъ обгрызены пожаромъ,
Лежатъ въ руинахъ города.

Съ Атлантики вплоть до Урала
Самумомъ движутся полки;
Кровь—снѣгъ и травы запятнала,
Кровь—замутила токъ рѣки.

На вольныхъ, вѣчныхъ океанахъ,
У стѣнъ пяти материковъ,
Мелькаютъ безъ огня въ туманахъ
Громады боевыхъ судовъ.

Темны мечты, видѣнья дики,
Водоворотомъ схваченъ міръ.
Вездѣ штыки, винтовки, пики,
Угрозы пушекъ и мортиръ.

Гроза «военной непогоды»
Шумитъ по градамъ и полямъ,
Да выйдутъ древніе народы
Изъ бури къ просвѣтленнымъ днямъ!

Пусть громы пробушуютъ въ небѣ,
Огнь молній пусть прожжетъ сердца,—
И пусть узнаютъ всѣ свой жребій,
Свою судьбину—до конца!

Окт.—дек. 1914.
Бѣлостокъ. Варшава.

6. НА КАРПАТАХЪ.

Уступами всходятъ Карпаты,
Подъ ногами таетъ туманъ.
Внизу различаютъ солдаты
Древній край—колыбель славянъ.

Весеннимъ привѣтомъ согрѣта,
Такъ же тихо дремала страна...
На четыре стороны свѣта
Отсюда шли племена.

Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мракѣ,
Но каждый шепталъ: «я вернусь!»

Проносились вѣка и бѣды,
Не встрѣчался съ братьями братъ,
И вотъ, подъ грохотъ побѣды,
Мы снова на склонахъ Карпатъ.

Вздохни же ожидающимъ мигомъ,
Друзей возвращенныхъ встрѣчай,
Такъ долго подъ вражескимъ игомъ,
Словно рабъ, томившійся край.

Засвѣтился день возвращенья,
Подъ ногами таетъ туманъ...
Здѣсь поставьте стягъ единенья
Нашедшихъ другъ друга славянъ!

15 окт. 1914.

7. ЧАША ИСПЫТАНІЙ.

Будь межъ святынь въ вѣкахъ помянута
Ты, нынѣ льющаяся кровь!
Рукой властительной протянута
Намъ чаша испытаній вновь.

Она не скоро опорожнится,
Струясь потокомъ съ высоты...
И вотъ—въ рукахъ враговъ заложница,
Сирена польская, и ты!

Такъ что-жъ! съ лицомъ первосвященниковъ
Спокойно жертву принесемъ!
Оплакивать не время плѣнниковъ,
Ряды оставшихся сомкнемъ.

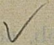
Одно: итти должны до края мы,
Все претерпѣвъ, не ослабѣть.
День торжества, день нами чаемый
Когда-то долженъ заблестѣть.

И пусть надъ Бугомъ—каски прусскія;
Онъ отъ того чужимъ не сталъ;
И будемъ мы все тѣ же русскіе,
Уйдя за Волгу, за Уралъ.

Подъ Нарвами, подъ Аустерлицами
Училисѣ мы Бородину.
Нѣтъ, мало овладѣть столицами,
Чтобъ кончить Русскую войну!

Іюль 1915.

XI. ВЫСОКИХЪ ЗРѢЛИЩЪ ЗРИТЕЛЬ...

Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя.
Его призвали всеблагіе
Какъ собесѣдника на пиръ.
Онъ—ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель...

Ѳ. Тютчевъ.

---

1. ПОЛЬШѢ.

Орелъ одноплеменный!
...Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пеплъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!

Ѳ. Тютчевъ.

Провидецъ! Стихъ твой осужденный
Не наше-ль время прозрѣвалъ,
Когда «орелъ одноплеменный»
Напрасно крылья расширялъ!

Сны, что тебѣ туманно снились,
Предстали намъ, воплощены,
И вѣщимъ свѣтомъ озарились
Въ багровомъ заревѣ войны.

Опять родного намъ народа
Мы стали братьями,—и вотъ
Та «наша общая свобода,
Какъ фениксъ», правитъ свой полетъ.

А ты, народъ скорбей и вѣры,
Подъявшій вмѣстѣ съ нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возгласъ: «Лазарь, встань!»

Ты, бывшій мертвымъ въ этомъ мірѣ,
Но тайно памятный Судьбѣ,
Ты—званый гость на нашемъ пирѣ,
И первый нашъ привѣтъ—тебѣ!

Просторъ родимаго предѣла
Единымъ взоромъ облелѣй,
И крики «Польска не сгинѣла!»
По-братски, съ русскимъ гимномъ слей!

1 августа 1914 г.

2. ВЪ ВИЛЬНО.

Опять я—бродяга бездомный,
И груди такъ вольно дышать.
Куда ты, мой духъ неуемный,
Къ какимъ изумленьямъ опять?

Но онъ,—онъ лишь хочетъ стремиться
Впередъ, до послѣдней поры,
И сердцу такъ сладостно биться
При видѣ съ Замковой Горы.

У ногъ «стародавняя Вильна»,—
Сѣть улицъ, строеній и крышъ,
И Вилія ропщетъ безсильно,
Смущая спокойную тишь.

Но дальше, за кругомъ холмистымъ,—
Тамъ буйствуетъ шумно война,
И кажется, въ воздухѣ чистомъ
Побѣдная пѣсня слышна.

Внизу же, гдѣ липки такъ зыбко
Дрожатъ подъ наитіемъ дня,
Ликъ Пушкина, съ мудрой улыбкой,
Опять поглядитъ на меня.

Августъ 1914.
Вильно.

3. ВСЕ ЧАЩЕ.

Все чаще по улицамъ Вильно
Мелькаетъ траурный крепъ.
Жатва войны обильна,
Широкъ разверзнутый склепъ.

Все чаще въ темныхъ костелахъ,
Въ углу, безъ силъ склонена,
Сидитъ, въ мечтахъ невеселыхъ
Мать, сестра иль жена.

Война, словно громъ небесный,
Потрясаетъ испуганный міръ...
Но все дремлетъ ребенокъ чудесный,
Вильно патронъ—Казиміръ.

Все тотъ же, какъ сонъ несказанный,
Какъ сонъ далекихъ вѣковъ,
Подыметъ соборъ святой Анны
Красоту точенныхъ вѣнцовъ.

И море все той же печали,
Все тѣхъ же маленькихъ бѣдъ,
Шумитъ въ еврейскомъ кварталѣ
Подъ гулы русскихъ побѣдъ.

Сентябрь 1914.
Вильно.

4. ВЪ ВАРШАВѢ.

А. Р. Ледницкому.

Въ первый разъ по улицамъ Варшавы
Съ легкимъ сердцемъ прохожу одинъ.
Не гнететъ меня кошмаръ кровавый
Темной славы роковыхъ годинъ.

Все, что было,—нѣтъ, не миновало,
И вѣковъ мгновенью не сломать;
Но, быть можетъ, нынче день начала,
Нынче солнце въ небѣ—какъ печать.

Пусть оно нашъ день запечатлѣетъ,
День, когда какъ братья, мы могли
Все сказать, о чемъ языкъ нѣмѣетъ,
Что мы долго въ душахъ берегли.

Мы сошлись не по тропинкѣ узкой,
Какъ къ поэту близится поэтъ;
Я пришелъ, путемъ большимъ, какъ русскій,
И, какъ русскій, слышалъ я привѣтъ.

А на улицѣ, какъ стихъ поэмы,
Клики, вкругъ меня, сливались въ ладъ:
Польки раздавали кризантемы
Взводамъ русскихъ радостныхъ солдатъ.

Августъ 1914.
Варшава.

5. АЭРОПЛАНЫ НАДЪ ВАРШАВОЙ.

Какъ предъ грозой касатки низко
Скользятъ надъ ровностью поляны,—
Такъ въ знакъ, что грозы боя близки,
— Взгляни,—парятъ аэропланы.

Мигъ,—и продольный, долгій трепетъ
Пройдетъ по улицѣ; метнется
Толпа, и тротуаръ облѣпитъ,
И взоръ за взоромъ въ высь вольется.

Мотки бѣлѣющей кудели
Взлетятъ и таять будутъ въ сини,
И, подъ пальбу, дымки шрапнелей
Распутаются въ сѣти линій.

А тамъ, воздушные пираты,
Спокойно правя летъ машины,
Вонзятъ сквозь паръ голубоватый
Свой взоръ, какъ мы, на дно равнины.

Увидятъ, какъ темнѣютъ зыбко
Квадраты крышъ и зданій ромбы...
Съ какой змѣящейся улыбкой
Качнутъ два нѣмца въ небѣ бомбы!

24 окт. 1914.
Варшава.

6. ПОЛЕ БИТВЫ.

Залито поле, какъ золотомъ,
Щедрымъ посѣвомъ патроновъ.
Вдалекѣ, какъ гигантскимъ молотомъ,
Расколоты гребни склоновъ.

На холмикѣ ждетъ погребенія,
Ницъ повергнуто, тѣло солдата.
Слабый запахъ тлѣнія,
А въ рукѣ письмо зажато.

Рядомъ тѣла лошадиныя:
Оскалены зубы, изогнуты шеи...
Ахъ, не труды-ль муравьиные
Эти валы, окопы, траншеи?

Видѣлъ я: межъ винтовокъ раздробленныхъ
Лежитъ съ дневникомъ тетрадка;
Сколько тайныхъ надеждъ, обособленныхъ,
Въ нее вписывалъ кто-то украдкой!

Манерки, ранцы, зарядные
Ящики, крышки шрапнелей,
И повсюду воронки громадныя
Отъ снарядовъ, не достигшихъ цѣли.

Брожу межъ обломковъ, гадательно
Переживая былые моменты.
А вдали, взводъ солдатъ, старательно,
Убираетъ пулеметныя ленты.

Ноябрь—декабрь 1914.
Прушковъ.

7. ПИРШЕСТВО ВОЙНЫ.

Война здѣсь прошла, прокричала
Стальными глотками пушекъ.
Въ рукѣ дома изломала,
Какъ вязку хрустнувшихъ сушекъ.

Вотъ тамъ, за сырымъ перелѣскомъ,
Гости Войны сидѣли,
Она забавляла ихъ блескомъ
Пускаемыхъ къ небу шрапнелей.

Смерть сестру пригласила: «Участвуй»
Ей сказала, «какъ старшая, въ пирѣ!»
Подавались роскошныя яства,
Какихъ и не видѣли въ мірѣ.

Были вина и хмѣльны и сладки,
Ихъ похваливалъ Бой-собутыльникъ.
Обильные пира остатки
Скрываетъ теперь чернобыльникъ.

День и ночь продолжался праздникъ,
Вкругъ, отъ браги багряной, все смолкло...
Только кто-жъ изъ гостей, безобразникъ,
Перебилъ въ дальныхъ окнахъ стекла?

Кто, шутникъ неумѣстно грубый,
Подпалилъ подъ конецъ чертоги?
И теперь торчатъ только трубы
Обгорѣлыя,—вдоль дороги.

4 дек. 1914.
Брезины—Варшава.

8. НА ПАМЯТЬ ОБЪ ОДНОМЪ ЗАКАТѢ.

А. М. Ѳедорову.

Былъ день войны, но часъ безсмертный дня.
Ноябрьскій воздухъ нѣжилъ, какъ въ апрѣлѣ.
Вкругъ озими прозрачно зеленѣли,
Пылало солнце, небосклонъ пьяня.

Насъ моторъ мчалъ—куда-то иль безъ цѣли...
Безцѣльность тайно нѣжила меня.
И ты, какъ я, завороженъ былъ. Пѣли
Намъ голоса закатнаго огня.

Забылось все: шумъ битвъ и вопль страданій...
Вдвоемъ, во храмѣ міровыхъ пыланій,
Слагали мы гимнъ красотѣ земной...

Насъ моторъ мчалъ—безъ цѣли иль куда-то...
О, помню, помню—дивный сонъ заката
Подъ грохотъ пушекъ, ровный и глухой.

13 дек. 1914.

9. ВЪ ОКОПѢ.

Въ семьѣ суровыхъ ветерановъ
Пью чай. Пальба едва слышна.
Вдали—подъ снѣгомъ спитъ Цѣхановъ,
И даль въ снѣгу погребена.

Сквозь сѣрые туманы солнце
Неярко свѣтитъ безъ лучей.
Тиха бесѣда о японцѣ,
И равномѣренъ звукъ рѣчей.

Незримо судьбы всей Европы
Съ судьбой уральцевъ сплетены,—
Но нынче въ снѣжные окопы
Доходитъ смутно гулъ войны.

Міръ крикнулъ этимъ бородатымъ
Сибирякамъ: «Братъ, выручай!»
И странно съ сумрачнымъ солдатомъ
Пить на досугѣ мутный чай.

Неизмѣримымъ бредятъ грезы,
Крушеньемъ царствъ и благомъ всѣхъ...
А здѣсь—разсказы про шимозы
Смѣняетъ беззаботный смѣхъ.

26 дек. 1914.
Цѣхановъ.

10. КАЗАЧЬЕ СТАНОВЬЕ.

Отбрасывая версты, стучитъ автомобиль,
Крутится даль за далью и сзади вьется пыль.

Селенье, нивы, поле, костелъ, окопъ, рѣка...
Казачее становье на склонѣ у лѣска.

Табунъ свободныхъ коней, походныхъ кухонь дымъ;
Заполненъ лугъ движеньемъ запутанно-цвѣтнымъ;

Толпа котлы обстала; смѣхъ, говоръ, пѣсня, крикъ...
Какъ просверкали ярко верхи желѣзныхъ пикъ!

Еще въ глазахъ—мундиры и шапки на-бекрень,
А падаетъ сурово отъ строгихъ сосенъ тѣнь.

Лѣсной дорогой моторъ, стуча, летитъ впередъ...
Чу! слышенъ съ поворота трещащій пулеметъ!

Апрѣль 1915.

11. ДЕРЕВЕНСКІЯ РИѲМЫ.

Опять—развѣсистыя липы
И склады бревенъ за избой;
Телѣги, вдоль дороги, скрипы,
Окно съ затѣйливой рѣзьбой;

Вдали излуки малой рѣчки,
И главы дальняго села;
А близко—дѣвка на крылечкѣ
Статна, румяна, весела.

Нырнулъ, поднявши хвостъ, утенокъ,
А утка съ важностью плыветъ.
Какъ изумителенъ, какъ тонокъ
Прозрачныхъ тучекъ хороводъ!

Здѣсь міръ и вѣкъ забыть возможно..
Но чу! порой сквозь шумъ лѣсовъ,
Со станціи гудитъ тревожно
Гулъ санитарныхъ поѣздовъ.

10 іюня 1915.
Бурково.

12. КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Каждый день поминайте молитвой умильной
Тѣхъ, кто молится нынче на ратныхъ поляхъ,
Тамъ, гдѣ смерть веселится поживой обильной,
Блуждая съ косой въ рукахъ;

Гдѣ разсвѣтъ, проступая, скользитъ межъ развалинъ,
Эхо вторитъ раскатамъ мортиръ безъ числа;
Гдѣ блуждающій вѣтеръ, угрюмъ и печаленъ,
Ласкаетъ въ травѣ тѣла;

Гдѣ, вдали, баррикады, окопы, редуты
Перерѣзали ниву, прорѣзали лѣсъ;
Гдѣ германскій пропеллеръ считаетъ минуты,
Грозя съ голубыхъ небесъ;

И гдѣ фейерверкъ ночью, безмѣренъ, невиданъ,
Одѣваетъ просторы въ стоцвѣтный нарядъ,—
На поляхъ, гдѣ лежитъ, безпощадно раскиданъ,
Стальной и свинцовый градъ!

Долю ратниковъ вашимъ уютомъ измѣрьте,
Нашей нѣгой домашней, при свѣтѣ, въ теплѣ...
Поминайте въ салонахъ, въ театрѣ, въ концертѣ,—
Кто нынѣ въ снѣгахъ и мглѣ!

Поминайте ушедшихъ молитвой умильной,
Всѣхъ, кто долженъ молиться на ратныхъ поляхъ,
Тамъ, гдѣ смерть веселится поживой обильной,
Съ тяжелой косой въ рукахъ!

Августъ 1915.
Москва.

XII. ТАМЪ, НА ЗАПАДѢ.

Тамъ, на Западѣ, брежжитъ мерцаніе...

Ѳ. Тютчевъ.

---

1. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТЪ.

Отъ Альпъ неподвижныхъ до Па-де-Кале
Какъ будто дорога бѣжитъ по землѣ;
Протянута лентой безцвѣтной и плоской,
Прорѣзала Францію узкой полоской.
Все мертво на ней: ни двора, ни куста;
Мѣстами—два-три деревянныхъ креста,
Мѣстами—развалины прежнихъ строеній,
Да трупы, да трупы,—тѣла безъ движеній!

Отъ Альпъ неподвижныхъ до Па-де-Кале
Какъ будто дорога бѣжитъ по землѣ;
И справа и слѣва, на мили, на мили,—
Валы и окопы ее обтѣснили.
Съ нихъ рушатся гулко, и ночью и днемъ,
Удары орудій, какъ сумрачный громъ,
И мѣрно сверкаютъ подъ эти раскаты
То бѣлыя вспышки, то свѣтъ розоватый.

От҃ъ АлЬпъ неподвижнЫхъ до Па-де-Кале
Какъ будто дорога бѣжитъ по землѣ;
Прошла, раздѣлила двѣ вражескихъ рати,
И стала дорогой вражды и проклятій.
Смѣняются дни; но, настойчиво, вновь
Здѣсь блещутъ штыки, разливается кровь,
И слушаютъ люди, сгрудясь въ милліоны,
Лязгъ сабель, свистъ пуль и предсмертные стоны.

30 ноября 1914.
Варшава.

2. ФЛАМАНДЦАМЪ.

Народъ Верхарна! не напрасно вѣщій
Тебя прославилъ; живъ твой мощный духъ!
Онъ молніей въ дыму сраженій блещетъ,
Онъ въ громѣ пушекъ намъ вѣщаетъ вслухъ!

И, кажется, опять возсталъ Карлъ Смѣлый
Иль Будуэнъ Желѣзная Рука.
Бой храбрецовъ съ врагомъ остервенѣлымъ
Слѣдятъ, дивясь величію, вѣка.

Намъ не забыть, какъ ты въ любимомъ Льежѣ
Свою свободу гордо ограждалъ.
Твои сыны, какъ въ славномъ прошломъ,—тѣ же:
Поэтъ далъ клятвы, ты ихъ оправдалъ.

Не пушки, не оружіе стальное
Насъ дѣлаютъ отважнѣй и сильнѣй:
Любовь къ отчизнѣ создаетъ героевъ
Съ дней Мараѳона вплоть до нашихъ дней.

7 августа 1914.

3. ТЕВТОНУ.

Ты переполнилъ чашу мѣры,
Тевтонъ,—иль какъ назвать тебя!
Соборовъ древнія химеры
Отмстятъ, губителя губя.

Подъявшій длань на храмы-чудо,
Громившій съ неба Notre Dame,
Знай: въ Реймсѣ каменная груда
Безмолвно вопіетъ къ вѣкамъ!

И этотъ вопль призывный слышатъ
Тѣ чудища, что рядъ вѣковъ,
Надъ Сеной умѣстившись, дышатъ
Мечтой своихъ святыхъ творцовъ

Не даромъ зодчій богомольный
На высоту собора взнесъ,
Какъ крикъ надъ суетой юдольной,
Толпу своихъ кошмарныхъ грезъ.

Онѣ—защитницы святыни,
Онѣ—отмстительницы зла,
И гнѣву ихъ тебя отнынѣ
Твоя гордыня обрекла.

Ихъ ликъ тебѣ въ дыму предстанетъ,
Ихъ коготь грудь твою пробьетъ,
Тебя смутитъ и отуманитъ
Ихъ крыльевъ демонскій разлетъ;

И судъ, что не исполнятъ люди,
Докончатъ сонмы скрытыхъ силъ
Надъ тѣмъ, кто жерлами орудій
Святынѣ творчества грозилъ.

Сентябрь 1914.
Варшава.

4. ТУРКАМЪ.

Довольно! Больше мы не споримъ,
Какое право есть у васъ.
Мы навсегда трудомъ и горемъ
Пріобрѣли права надъ моремъ,
Чей брегъ—Таврида и Кавказъ!

Оно должно остаться нашимъ,—
Его просторъ, его врата!
Изъ края, гдѣ мы плугомъ пашемъ,
Пасемъ стада, вѣтрянкой машемъ,
Какъ можетъ дверь быть заперта?

Кто вы, что пятый вѣкъ надменно
Держать хотите эту дверь?
Мы гнули васъ грозой военной,
Вы мстили хитростью презренной...
Нѣтъ мѣста хитростямъ теперь!

Довольно! грудью исполинской
Вздыхаетъ русскій богатырь.
Ступивъ ногой на камень финскій,
Онъ сталъ другой на понтъ Эвкинскій
И грозно озираетъ ширь.

21–22 марта 1915.

5. ОТРЫВОКЪ.

Wo der Hellespont die Wellen
Brausend durch die Dardanellen...
F. Schiller.

Тамъ, гдѣ Геллеспонта воды
Въ Дарданельскіе проходы
Изъ Стамбула много мчатъ
Слезъ плѣнительныхъ затворницъ,
Что въ тиши роскошныхъ горницъ
Вянутъ жертвами усладъ;

Тамъ, гдѣ Геллеспонта воды
Съ шумомъ бьютъ за годомъ годы
О низы турецкихъ стѣнъ,
Твердыхъ сторожей Ислама,
Охраняющихъ упрямо
Града Константина плѣнъ;

Тамъ, гдѣ Геллеспонта воды
Дышатъ прелестью природы,
Счетъ утратившей щедротъ,—
Тамъ, въ сознаньи мощной власти,
Огнедышащія пасти
Разомкнулъ союзный флотъ...

6 марта 1915.

6. НА БОМБАРДИРОВКУ ДАРДАНЕЛЛЪ.

Неужели вы близки, къ исполненію близки,
Мечты моей юности!—и въ старый Царьградъ,
Гдѣ дремлютъ гаремы, гдѣ грустятъ одалиски,
Войдутъ легіоны европейскихъ солдатъ?

И на Айа-Софіи, въ синевѣ, полной чаекъ,
Крестъ Юстиніана встанетъ вмѣсто луны,
Выступятъ ясно краски прежнихъ мозаикъ,
Глянутъ лики святые, снова, съ каждой стѣны?

И священникъ, кончая строгій чинъ литургіи,
Что четыре столѣтія назадъ прервана,
Возгласитъ на амвонѣ призыванья святыя
И отвѣтитъ толпа, колѣнопреклонена?

Спитъ Стамбуръ мусульманскій... Онъ забылъ крестоносцевъ...
Но чу! за Босфоромъ—словно громъ прогремѣлъ
То вновь крестоносцы съ высоты броненосцевъ
Засыпаютъ снарядами валы Дарданеллъ!

Мартъ 1915.

СИНІЙ.

XIII. Въ жизни человѣческой.—XIV. На шумныхъ улицахъ.—
XV. Дѣтскій блескъ очей.

XIII. ВЪ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

Въ жизни человѣческой, въ важныя мгновенія,
Облики незримые вдругъ обозначаются,
Въ обаяньи подвига, въ злобѣ преступленія...

К. Случевскій.

1. СИНЕМА МОЕГО ОКНА.

Міръ шумящій, какъ далекъ онъ,
Какъ мнѣ чуждъ онъ! но сама
Жизнь проводитъ мимо оконъ
Словно фильмы синема.

Проплывутъ, звеня, трамваи,
Прошумитъ, пыля, авто;
Люди, люди, словно стаи
Птицъ, гдѣ каждая—никто!

Франтъ манерный за поддевкой,
То картузъ, то котелокъ,
И предъ дѣвичьей головкой
Сталъ замедленный полокъ.

Плечи, шляпки, взгляды, груди,
За стекломъ нѣмая рѣчь...
Птичья стая,—люди, люди!—
Какъ мнѣ сердце уберечь?

Я укрываюсь въ одиночество,
Я ухожу въ предѣлы книгъ,
Чтобъ безысходныя пророчества
Затмили проходящій мигъ.

Но — горе! — шумы современности
Врываются въ святую тьму!
И нѣтъ тюрьмы — моей надменности,
Нѣтъ кельи — моему уму!

Сегодня, визитеръ непрошенный,
Ломаетъ запертую дверь...
Ахъ, убѣжать на лугъ некошенный
Дремать въ норѣ, какъ дремлетъ звѣрь!

Напрасно! жизнь влачитъ послѣдовательно,
Какъ змѣй, извилистыя кольца,
И смотрятъ на меня вывѣдовательно
Видѣнья дня, какъ богомольцы.

1914.

Pro domo sua

2. ПОРТРЕТЪ.

Привыкъ онъ рано презирать святыни,
И вдаль упрямо шелъ путемъ своимъ.
Въ винѣ, и въ буйной страсти, и въ морфинѣ
Искалъ усладъ, и вышелъ невредимъ.

Зналъ преклоненья; женщины въ восторгѣ
Склонялись цѣловать его стопы.
Какъ змѣерушащій святой Георгій,
Онъ слышалъ яростный привѣтъ толпы.

И, проходя, какъ нѣкій странникъ въ мірѣ,
Доволенъ блескомъ дня и тишью тьмы,
Не для другихъ слагалъ онъ на псалтири,
Какъ царь Давидъ, пѣвучіе псалмы.

Онъ былъ вездѣ: въ концертѣ, и въ театрѣ,
И въ синема, гдѣ заблестѣлъ экранъ;
Онъ жизнь бросалъ лукавой Клеопатрѣ,
Но не сломилъ его Октавіанъ.

Вы пировали съ нимъ, какъ другъ, быть можетъ?
Съ нимъ, какъ любовница, дѣлили дрожь?
Нѣтъ, одиноко былъ имъ искусъ прожитъ,
Его признанья,—кромѣ пѣсенъ,—ложь.

Съ недоумѣньемъ, дѣтскимъ и счастливымъ,
Съ лукавствомъ старческимъ — онъ предъ собой
Глядитъ впередъ. Простымъ и прихотливымъ
Онъ можетъ быть, но долженъ быть—собой!

1913.

3. ЖЕНСКІЙ ПОРТРЕТЪ.

Что я могу припомнить? Ясность глазъ
И дѣтскій обликъ, ласково-понурый,
Когда сидитъ она, въ вечерній часъ,
За ворохомъ шуршащей корректуры.

Есть что-то строгое въ ея глазахъ,
Что никогда разспросовъ не позволитъ.
Но, можетъ быть, суровость эта—страхъ,
Что кто-нибудь къ признаньямъ приневолитъ.

Она смѣяться можетъ, какъ дитя,
Но тотчасъ поглядитъ лицомъ бѣглянки,
Застигнутой погоней; мигъ спустя
Она опять безстрастно правитъ гранки.

И, что-то важное, святое скрывъ
На самомъ днѣ души, какъ нѣкій идолъ,
Она—какъ лань пуглива, чтобъ порывъ
Случайный—тайны дорогой не выдалъ.

И вотъ сегодня—ясность этихъ глазъ
Мнѣ помнится; да маленькой фигуры
Мнѣ виденъ образъ; да, въ вечерній часъ,
Мнѣ слышенъ ровный шелестъ корректуры...

1913.

4. ЗАВѢЩАНІЕ.

Я жизнь прожила безотрадно, безцѣльно,
И вотъ, какъ похмелье отъ буйнаго пира,
Осталась мнѣ горечь тоски безпредѣльной
И смутная ненависть къ радостямъ міра.

Какъ всѣмъ, мнѣ весна, въ ликованіи яркомъ,
Лучами сверкала, дышала сиренью,
И жизнь мнѣ казалась привѣтливымъ паркомъ,
Гдѣ тайно бесѣдки зовутъ къ наслажденью.

Но ранняя буря промчалась надъ садомъ,
Сломала сирени и завязи яблонь,
Наплакалась ливнемъ, натѣшилась градомъ,
Цвѣтникъ мой былъ смытъ и былъ садъ мой разграб-
ленъ.

И послѣ настало желанное лѣто,
И хмурая осень, и холодъ подъ снѣгомъ...
И не было въ сердцѣ на зовы отвѣта,
И не было силы довѣриться нѣгамъ.

Другимъ расцвѣтутъ, съ новымъ маемъ, фіалки,
Другія поплачутъ у выжженной нивы...
Мы—нищи, мы—робки, мы—стары, мы—жалки...
Кто мертвый, будь мертвымъ! живите, кто живы!

1913.

5. НА ЦЕРКОВНОЙ КРЫШѢ.

На церковной крышѣ,
У самаго золотого креста
(Уже восхода полоски намѣтились),
Какъ двѣ летучихъ мыши,
Двѣ вѣдьмы встрѣтились:
Одна—стара и толста,
Другая—худа и моложе
(Лицо съ кошачьей мордочкой схоже),
И шептались, вѣтра весенняго тише.

— Сестра, гдѣ была?
Старуха захохотала.
— Тра-ла-ла!
Всю ночь наблюдала:
Юноша собирался повѣситься!
Все шагалъ, писалъ и смотрѣлъ
На серпъ полумѣсяца,
Лицомъ—какъ мѣлъ.
Любовь, какъ видно, замучила.
Ждать мнѣ наскучило,
И я, противъ правилъ,
Подсказала ему: «удавись!»
Онъ въ петлю голову вставилъ
И повисъ.

Худая въ отвѣтъ улыбнулась.
— И мнѣ досталось!
Въ грязныхъ номерахъ натолкнулась,
Какъ дѣвушка старику продавалась.
Стариченка—дряхлый и гадкій,
Горбъ, какъ у верблюда,
А у нея глаза—какъ загадки,
И плечи—какъ чудо.
Какъ былъ онъ противенъ, сестра,
А она молчала!
Я до утра,
Сидя въ углу, наблюдала.

Такъ, у золотого креста,
На церковной крышѣ,
Какъ двѣ летучихъ мыши,
Шептались двѣ вѣдьмы.
И та, что была и стара и толста,
Прибавила:
— Хоть это и противъ правила,
Но будемъ по утрамъ встрѣчаться и впредь мы!

1914.

6. ПРОСТЕНЬКАЯ ПѢСНЯ.

Ты, въ тѣни прозрачной
Свѣтлаго платана,
Дѣвочкой играла
Утромъ рано-рано.

Дѣдъ твердилъ съ улыбкой,
Ласковъ, сѣдъ и важенъ,
Что далекимъ предкомъ
Былъ платанъ посаженъ

Ты, въ тѣни прозрачной
Свѣтлаго платана,
Дѣвушкой скрывалась
Въ первый часъ тумана.

Цѣловалась сладко
Въ тихомъ лунномъ свѣтѣ,
Такъ, какъ цѣловались
Люди рядъ столѣтій.

Ты, въ тѣни прозрачной
Свѣтлаго платана,
Женщиной рыдала
Подъ напѣвъ фонтана.

Горестно рыдала
О минутной сказкѣ
Опалившей страсти,
Обманувшей ласки.

Ты, въ тѣни прозрачной
Свѣтлаго платана,
Въ старость вспоминала
Жизнь, какъ міръ обмана,

Вспоминала, съ грустной
Тишиной во взорѣ,
Призрачное счастье,
Медленное горе.

И, въ тѣни прозрачной
Свѣтлаго платана,
Такъ-же сладко дремлетъ
Прежняя поляна.

Ты же на кладбищѣ,
Подъ плакучей ивой,
Спишь, предавшись грезѣ,
Можетъ быть, счастливой.

1913

7. ОНА.

Она любила строй безпечный
Мечтаній, уводящихъ вдаль,
Цвѣты, снѣжинки, поясъ млечный
И безпричинную печаль.

Она любила, ночью зимней,
Невѣстой медлить у окна,
Въ своихъ стихахъ, какъ въ тихомъ гимнѣ,
Твердя безвольно: я—одна!

Она ждала, ждала кого-то,
Кто, смѣлъ, безуменъ и красивъ,
Всю жизнь отдастъ ей безъ отчета,
Всю жизнь сольетъ въ одинъ порывъ.

Но Рокъ былъ странно безпощаденъ,
Не обманулъ и не свершилъ.
Тотъ не былъ жарокъ, не былъ хладенъ,
Онъ и любилъ и не любилъ.

Его не-пламенныя ласки,
Его обдуманная рѣчь,
Его лицо—какъ образъ маски—
Могли овѣять, но не сжечь.

Стремясь въ мятежную безбрежность
Она искала крыльевъ, но
Онъ приносилъ ей только нѣжность...
И было все предрѣшено!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

1913.

XIV. НА ШУМНЫХЪ УЛИЦАХЪ.

О, эти встрѣчи мимолетныя
На шумныхъ улицахъ столицъ...
«Вѣнокъ».

---

1. ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ СВѢТЫ.

Мы—электрическіе свѣты
Надъ шумной уличной толпой;
Ей—наши рдяные привѣты
И ей—нашъ отсвѣтъ голубой!

Качаясь на стебляхъ высокихъ,
Горя въ преддверьяхъ синема,
И искрясь изъ витринъ глубокихъ,
Мы—дрожь, мы—блескъ, мы—жизнь сама!

Что было красочнымъ и пестрымъ,
Мѣняя властнымъ волшебствомъ,
Мы дѣлаемъ безцвѣтно-острымъ,
Живѣй и призрачнѣй, чѣмъ днемъ.

И женщинъ, съ ртомъ, какъ рана, алымъ,
И юношей, съ тоской въ зрачкахъ,
Мы озаряемъ, небываломъ
Вѣнцомъ, что обольщаетъ въ снахъ.

Даемъ соблазнъ любви продажной,
Случайнымъ встрѣчамъ—тайный смыслъ;
Угрюмый домъ многоэтажный
Мы превращаемъ въ символъ числъ.

Изъ быстрыхъ уличныхъ мельканій
Лишь мы поэзію творимъ,
И съ нами—каждый на экранѣ,
И, на экранѣ кто,—мы съ нимъ!

Заливъ сіяньемъ современность,
Ее впитали мы въ себя,
Всю ложь, всю мишуру, всю бренность
Преобразили мы, любя,—

Мы,—электрическіе свѣты
Надъ шумной уличной толпой,
Мы—современные поэты,
Вѣкамъ зажженные Судьбой!

1913.

2. ВЕЧЕРОМЪ.

Дрожащей проволоки альтъ
Звенитъ такъ нѣжно;
Заполненъ сумрачный асфальтъ
Толпой мятежной.

Свистки авто и трамовъ звонъ
Поютъ такъ нѣжно;
Вечерній городъ полоненъ
Толпой мятежной.

Свѣтъ электрическихъ шаровъ
Дрожитъ такъ нѣжно;
Ты слышишь ли немолчный зовъ
Толпы мятежной?

Вотъ дѣвушки случайный взоръ
Блеснулъ такъ нѣжно;
О, кто его такъ быстро стеръ
Толпой мятежной?

Тѣнь синеватая легла
Вокругъ такъ нѣжно,
И проститутки безъ числа
Въ толпѣ мятежной.

1914.

3. НА ПОЛЕТАХЪ.

Пропеллеры, треща, стрекочутъ:
То клекоты бензинныхъ птицъ
О будущемъ земли пророчатъ.
Но сколько нѣжныхъ женскихъ лицъ!
Иглой заостренныя шляпы,
Зелено-бѣлыя манто,—
И какъ-то милы даже всхрапы
На кругъ въѣзжающихъ авто.

Въ живой толпѣ кафешантанной
Я уловилъ случайно вновь
Давно знакомый взглядъ... Какъ странно!
Твой взглядъ, безсмертная любовь!
И, пестрой суеты свидѣтель,
Я вѣру въ тайну берегу,
Не видя въ сини «мертвыхъ петель»,—
Воздушныхъ вымысловъ Пегу.

Май 1914.
Москва.

4. У КАНАЛА.

Въ угрюмомъ сумракѣ ночей безлунныхъ
Люблю я зыбкость полусонныхъ водъ.
Приникнувъ къ жестокости оградъ чугунныхъ
Люблю слѣдить волны унылый ходъ.

Свѣтъ фонарей, раздробленный движеньемъ,
Дрожитъ въ водѣ семьей недлинныхъ змѣй,
А баржи спятъ надъ зыбкимъ отраженьемъ
Глубокимъ сномъ измученныхъ звѣрей.

Такъ близко Невскій,—возгласы трамваевъ,
Гудки авто, гулъ тысячъ голосовъ...
А сѣрый снѣгъ, за теплый день растаявъ,
Плыветъ, крутясь, вдоль темныхъ береговъ.

Такъ странно: тамъ—кафэ, улыбки, лица...
Здѣсь—тишь, вода и отраженный свѣтъ.
Все вобрала въ водоворотъ столица,
На всѣ вопросы принесла отвѣтъ.

И если жизнью, слишкомъ многострунной,
Измученъ ты,—приди ко мнѣ, сюда,
Перешагни чрезъ парапетъ чугунный,
И дастъ тебѣ забвеніе вода.

Ноябрь 1912.
Петербургъ.

5. ПАНИХИДА.

Тоненькія свѣчечки,
Робкія, мерцаютъ.
Голосочки дѣтскіе
Басу отвѣчаютъ.
Слышно надъ склоненною толпой:
«Со святыми упокой».

Хорошо подъ лентами,
Мирно подъ цвѣтами!
Пѣсни умиленныя
Сложены не нами.
Обѣщаетъ миръ напѣвъ святой:
«Со святыми упокой».

Выйдешь въ ночь холодную:
Свѣты и трамваи...
Сладостно задуматься
О блаженномъ раѣ.
Боже!—утомленныхъ суетой
Со святыми упокой!

Ноябрь 1912.
Петербургъ.

XV. ДѢТСКІЙ БЛЕСКЪ ОЧЕЙ.

Я вижу дѣтскій блескъ очей.
А. Фетъ.

---

1. ДѢВОЧКА СЪ КУКЛОЙ.

— Что же ты сдѣлала, дѣвочка милая,
Съ фарфоровой куклой своей?
— Когда было скучно, ее колотила я,
И вотъ—теперь трещина въ ней.

— Глаза открывала и закрывала она,
Папа-мама могла говорить.
— А теперь совсѣмъ безмолвною стала она,
Не знаю, какъ съ ней мнѣ и быть.

— Чего же ты хочешь, дѣвочка нѣжная?
Куклу цѣлуешь зачѣмъ?
— Хочу, чтобъ была она снова, какъ прежняя,
Такой, какъ прежде, совсѣмъ.

— Дѣвочка милая, сама ты разбила ее.
Теперь куклы прежней—нѣтъ...
— Боже мой! Боже мой! такъ я любила ее!
Безъ нея не милъ мнѣ весь свѣтъ!

1912.

2. ДѢВОЧКА И АНГЕЛЪ.

Маленькая дѣвочка плакала вчера:
«Почему туманами полны вечера?
Почему не каждый день солнце—какъ алмазъ?
Почему не ангелы утѣшаютъ насъ?»

Маленькая дѣвочка вечеромъ, въ тѣни,
Плакала, и ангелъ ей прошепталъ: «Усни!
Какъ алмазъ, засвѣтится солнце поутру,
И съ тобой затѣю я подъ-вечеръ игру!»

Маленькая дѣвочка улеглась въ постель...
За окномъ шептала ей сумрачная ель:
«Нѣтъ, не вѣрь ты ангелу! Онъ тебѣ солгалъ:
Поутру лучъ солнечный будетъ—какъ кинжалъ!»

1912.

3. ДѢВОЧКА СЪ ЦВѢТАМИ.

Собирай свои цвѣточки,
Заплетай свои вѣночки,
Развлекайся какъ-нибудь,
По-лугу безпечно бѣгай!
Ахъ, пока весенней нѣгой
Не томилась тайно грудь!

У тебя, какъ вишня, глазки,
Косы русыя—какъ въ сказкѣ;
Изъ-подъ кружевъ панталонъ
Выступаютъ ножки стройно...
Ахъ! пока ихъ безпокойно
Не томилъ недѣтскій сонъ!

Увидавъ пятно на юбкѣ,
Ты надула мило губки.
Снова мило ихъ надуй!
Эти губки слишкомъ красны:
Ахъ! пока угрюмо-страстный
Не сжималъ ихъ поцѣлуй!

1913.

4. ВЕРБНАЯ СУББОТА.

Съ вербочками дѣвочки,
Дѣвочки со свѣчечками,
Вышедши изъ церковки,
Кроютъ куцавеечками
(Вѣтеръ, ты не тронь!)
Слабенькій огонь.

Улица оснѣжена,
Спитъ высь затуманенная..
Чу! толпа мятежная
Воетъ, словно раненая,
Тамъ, гдѣ осіянъ
Свѣтомъ ресторанъ.

И бредутъ подъ блесками
Злыми, электрическими,
Съ свѣчками и вѣтками
Тѣни идиллическія.
Трепетенъ и тихъ
Свѣтъ на лицахъ ихъ.

17 марта 1912.

5. КВАРТЕТЪ

Четыре дѣвочки по четырнадцати лѣтъ
На песчаной площадкѣ играютъ въ крокетъ.
Молоточекъ поставятъ между ногъ, и—стукъ!
Шаръ чужой далеко отлетаетъ вдругъ.

А солнце, лучи посылая вкось,
Бѣлыя платьица пронзаетъ насквозь,
Чтобы каждый мечтатель видѣть могъ
Дѣтскія формы худощавыхъ ногъ.

Дѣвочки смѣются,—что щебетъ птицъ!—
И черны узоры длинныхъ рѣсницъ,
Но пятна волосъ еще чернѣй
Въ слѣпительномъ блескѣ закатныхъ огней.

16 іюня 1915.

6. ДВѢ ГОЛОВКИ.

Красныя и синія,—
Дѣвочки въ травѣ
Кустики полыни
Имъ по головѣ.

Рвутъ цвѣточки разные,
Бабочекъ слѣдятъ...
Какъ букашки—праздны,
Какъ цвѣтки на взглядъ.

Эта—ленокудрая,
Съ темной скобкой—та...
Вкругъ природы мудрой
Радость разлита.

Вотъ, нарвавъ букетики,
Спорятъ: «я да ты...»
Цвѣтики—какъ дѣти,
Дѣти—какъ цвѣты.

Нѣтъ нигдѣ унынія,
Лугъ мечтаетъ вслухъ...
Красный бликъ, бликъ синій,—
Шолкъ головокъ двухъ!

15 іюля 1915.
Бурково.

ГОЛУБОЙ.

XVI. Въ старинномъ замкѣ.—XVII. Въ маскѣ.—XVIII. Въ вашихъ чертогахъ.

6. ДВѢ ГОЛОВКИ.

Красныя и синія,—
Дѣвочки въ пижамѣ
Кудряшки полныя
Пять по головѣ.

Рдутъ цвѣточки разные,
Бабочекъ дѣвицы...
Какъ букетики...
Какъ цвѣтики на взглядъ.

Это—удержимо—это
Съ темной скобкой—это...
Вкругъ природы мудрой
Радостнѣй развитье.

Вотъ, играютъ бубенцы,
Спорятъ «и да нѣтъ.»
Цвѣточки—какъ дѣти,
Дѣти—какъ цвѣты.

Пѣть посрѣдь ученія,
А въ мечтахъ всегда...
Красный бантъ, бантъ синій,—
Шелкъ головокъ двухъ!

13 іюля 1915.
Буркало.

XVII. ВЪ СТАРИННОМЪ ЗАМКѢ.

Въ старинномъ замкѣ Дженъ Вальморъ
Чуть ночь—звучатъ баллады.
К. Бальмонтъ.

---

1. БАЛЛАДА НОЧИ.

Ахъ, гдѣ-то лотосъ нѣжно спитъ,
Ахъ, гдѣ-то съ небомъ слиты горы,
И ярко небосводъ горитъ,—
Предвѣчной мудрости узоры!
Тамъ нѣгой объяты просторы,
Тамъ страстью дышитъ темнота,
А люди клонятъ, словно воры,
Къ устамъ возлюбленнымъ уста!

Быть можетъ, въ эту ночь,—Харитъ
Вновь ожили былые хоры,
Вновь Аресъ уронилъ свой щитъ,
Вновь Тассъ у ногъ Элеоноры,
И мудрый Соломонъ, который
Изрекъ: «все въ мірѣ суета»,
Вновь клонитъ, позабывъ укоры,
Къ устамъ возлюбленнымъ уста.

Дитя! уснуть намъ было бъ стыдъ.
Пойдемъ къ окну, откроемъ створы:
Стекло, желѣзо и гранитъ,
Тишь улицъ, спящіе соборы...
Пусть вспыхнутъ въ небѣ метеоры!
Пусть къ счастью вскроются врата!
Пусть склонятся, безумно-скоры,
Къ устамъ возлюбленнымъ уста!

Бѣгутъ, бѣгутъ поспѣшно Оры...
Въ моей душѣ—одна мечта:
Склонить къ любимымъ взорамъ взоры,
Къ устамъ возлюбленнымъ уста!

1913.

2. БАЛЛАДА О ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Когда торжественный Закатъ
Царитъ на дальнемъ небосклонѣ,
И духи пламени хранятъ
Возсѣвшаго на аломъ тронѣ,—
Вѣщаетъ онъ, воздѣвъ ладони,
Смотря, какъ съ неба льется кровь,
Что сказано въ земномъ законѣ:
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И призраковъ проходитъ рядъ,
Въ простыхъ одеждахъ и въ коронѣ:
Ромео, много лѣтъ назадъ
Пронзившій грудь клинкомъ въ Веронѣ;
Надменный тріумвиръ Антоній,
Въ часъ скорби мечъ подъявшій вновь;
Пирамъ и Паоло... Въ ихъ стонѣ—
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И я баюкать сердце радъ
Той музыкой святыхъ гармоній.
Нѣтъ, отъ любви не охранятъ
Твердыни и отъ смерти—брони.

На утрѣ жизни и на склонѣ
Ея, къ томленью духъ готовъ.
Что день,—безжалостнѣй, мудренѣй
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

Ты слышишь, другъ, въ вечернемъ звонѣ:
«Своей судьбѣ не прекословь!»
Намъ свищетъ соловей на кленѣ:
«Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!»

1913.

3. БАЛЛАДА ВОСПОМИНАНІЙ.

На склонѣ лѣтъ, когда въ огнѣ
Уже горитъ закатъ кровавый,
Вновь предо мной, какъ въ тихомъ снѣ,
Проходятъ дѣтскія забавы.
Но чужды давнія отравы
Душѣ, вкусившей темноты.
Лишь вы, какъ прежде, величавы,
Любви завѣтныя мечты!

Я помню: въ ранней тишинѣ
Я славилъ жгучій полдень Явы,
Сонъ пышныхъ лилій на волнѣ,
Стволы, къ которымъ льнутъ удавы,
Глазамъ невѣдомыя травы,
Намъ неизвѣстные цвѣты...
Все смыли, какъ потокомъ лавы,
Любви завѣтныя мечты!

Я помню: вѣря злой веснѣ,
Ловилъ я зыбкій призракъ славы;
Казалось такъ желанно мнѣ—
Грань преступать, ломать уставы.

Но понялъ я: всѣ цѣпи—ржавы,
Во всемъ—обманы суеты:
И вы однѣ въ семъ мірѣ правы,
Любви завѣтныя мечты!

Сынъ Венеры, Аморъ лукавый,
Храни меня отнынѣ ты.
Встаютъ, какъ изъ-за лѣса главы,
Любви завѣтныя мечты.

1913.

4 ЗА КАРТАМИ

Опять истомой дышитъ мартъ,
А западъ вкрадчиво-малиновъ...
Сижу одна, узоры картъ
Въ гаданьи вдумчивомъ раскинувъ.
Молчатъ дома, во мглѣ застынувъ,
Затихли гулы бѣготни,
И мнятся дальнихъ звѣздъ огни
Глазами падшихъ властелиновъ.

Придешь ли вновь, мой юный бардъ,
Ко мнѣ—съ букетикомъ жасминовъ,
Стремительный, какъ горный пардъ,
Плѣнительныя брови сдвинувъ?
Къ устамъ прижмешь ли кровь рубиновъ?
Шепнешь ли сладко: «Мы—одни!»
Глядя, какъ въ тѣ, иные дни,
Глазами падшихъ властелиновъ?

Въ вѣка Гекатъ, въ вѣка Астартъ
Я призвала бъ чету дельфиновъ!
Произнесла бъ, возжегши нардъ,
Священный заговоръ Юстиновъ!

Быть может, рыбье сердце вынувъ,
Шептала бъ: «Друга примани!..»
И духи глянули бъ въ тѣни
Глазами падшихъ властелиновъ!

Ахъ! зналъ когда-то Бонапартъ
Путь въ скромный уголъ Жозефиновъ!
Горите жъ, огоньки мансардъ,
Глазами падшихъ властелиновъ!

1913.

5. СЕКСТИНА.

Все кончено! я понялъ безнадежность
Меня издавна мучившей мечты...
Всѣ Напѣвы.

Я безнадежность воспѣвалъ когда-то,
Мечту любви я пѣлъ въ послѣднiй разъ.
Опять душа мучительствомъ объята,
Въ душѣ опять свѣтъ радости погасъ.
Что славить мнѣ въ предчувствiи заката,
Въ вечеровой, предвозвѣщенный часъ?

Ложится тѣнь въ предвозвѣщенный часъ;
Кровь льется по наклонамъ, гдѣ когда-то
Лазурь сiяла. Въ заревѣ заката
Мятежная душа, какъ столько разъ,
Горитъ огнемъ, который не погасъ
Подъ пепломъ лѣтъ, и трепетомъ объята.

Пусть тѣнью синей вся земля объята,
Пусть близокъ мглы непобѣдимый часъ,
Но въ сердцѣ свѣтъ священный не погасъ:
Онъ также ярко свѣтитъ, какъ когда-то,
Когда я, робкiй мальчикъ, въ первый разъ,
Склонилъ уста къ устамъ, въ лучахъ заката.

Священны чары рдянаго заката,
Священна даль, что пламенемъ объята.
Я вамъ молился много, много разъ,
Но лишь опять приходитъ жданный часъ,
Молюсь я на колѣняхъ, какъ когда-то,
Чтобъ нынче лучъ въ мигъ счастія погасъ!

Безвѣстная Царица! Не погасъ
Въ душѣ огонь священный. Въ часъ заката
Душа стариннымъ пламенемъ объята,
Твержу молитву, что сложилъ когда-то:
«Приди ко мнѣ, хоть и въ предсмертный часъ,
Дай видѣть ликъ твой, хоть единый разъ!»

Любви я сердце отдавалъ не разъ,
Но зналъ, что Ты—въ грядущемъ, и не гасъ
Въ душѣ огонь надежды ни на часъ.
Теперь, въ пыланьи моего заката,
Когда окрестность сумракомъ объята,
Все жду Твоей улыбки, какъ когда-то!

1914.

XVI. Въ маскѣ.

Я лицо укрылъ бы въ маскѣ...
Ѳ. Сологубъ.

---

1. Образы временъ.

Когда святыхъ наукъ начала
Я постигалъ во храмѣ Фта,
Меня, я помню, искушала
Твоя земная красота.
Но, согрѣшивъ, я съ ложа прянулъ
И богу безднъ огни возжегъ.
Твой обликъ въ дымъ кадильный канулъ,
И я тебя вернуть не могъ.

Не ты ли перси, какъ алмазы,
Бросала щедро мнѣ на грудь?
Но финикіецъ одноглазый
На Римъ повелъ надменный путь.
Въ смятеньи я твой домъ оставилъ,
Молчалъ на всѣ мольбы въ отвѣтъ...
И далъ врагу Эмилій Павелъ
Въ добычу также мой браслетъ!

Я, въ золотой Антіохіи,
Забывъ, межъ рыцарей другихъ,
Къ святой землѣ пути святые,
Былъ счастливъ вздохомъ устъ твоихъ!
Но протрубилъ призывъ военный,
Я поднялъ мечъ, я поднялъ щитъ,
И былъ мнѣ чуждъ твой взоръ надменный,
Когда насъ въ бой стремилъ Годфридъ!

И въ дни, когда въ провалъ кровавый
Свободы призракъ толпы велъ,
Ты мнѣ сказала: «Всѣ неправы,
Иди за мной, какъ прежде шелъ!»
Но зовъ борьбы, какъ ревъ пучины,
Покрылъ призывныя слова...
И, помню, съ плахи гильотины
Моя скатилась голова.

Не конченъ древній поединокъ,
Онъ длится въ образахъ временъ.
Я—воинъ, я—поэтъ, я—инокъ,
Еще тобой не побѣжденъ.
Въ глухомъ лѣсу, въ огняхъ театра,
Въ случайныхъ встрѣчахъ, жду тебя:
Явись, предстань, какъ Клеопатра,
Чтобъ вновь Антоній палъ, любя!

1912.

2. МУМІЯ.

Я—мумія, мертвая мумія.
Покровами плотными сдавленный,
Столѣтья я сплю безтревожно,
Не мучимъ ни зломъ, ни усладой,
Подъ маской на тайнѣ лица.

И, въ сладкомъ томленьи раздумія,
Въ покой мой, другими оставленный,
Порой, словно тѣнь, осторожно
Приходитъ, съ прозрачной лампадой,
Любимая внучка жреца.

Въ сверканіи лала и золота,
Одѣта святыми уборами,
Она наклоняется гибко,
Цѣлуетъ недвижную маску
И шепчетъ заклятья любви:

«Ты, спящій въ гробницѣ расколотой!
Проснись подъ упорными взорами,
Привстань подъ усталой улыбкой,
Отвѣть на безгрѣшную ласку,
Для счастья, для мукъ оживи!»

Стуча ожерельями, кольцами,
Склоняется, вся обезсилена,
И проситъ, и молитъ чего-то,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ
Надъ свиткомъ покрововъ моихъ...

Но, какъ, окруженъ богомольцами,
Безмолвенъ богъ, съ обликомъ филина,
Я скованъ всесильной дремотой.
Умершимъ что скажетъ, что значитъ
Призывъ непрозрѣвшихъ живыхъ!

1913.

3. ИКСІОНЪ И ЗЕВСЪ.

Иксіонъ.

О Зевсъ! гдѣ громъ твой? до земли онъ
Не досягнулъ! гдѣ молньи всѣ?
Пустъ распинаемъ я, Иксіонъ,
На безпощадномъ колесѣ!
Пустъ Тартара пространства сѣры,
Пустъ муки вѣчны впереди,—
Я груди волоокой Геры,
Дрожа, прижалъ къ своей груди!

Зевсъ.

Смертный безумецъ! не Геру ласкалъ ты!
Зевса забылъ ты безмѣрную власть.
Призракъ обманный въ объятьяхъ держалъ ты:
Я обманулъ ненасытную страсть!
Гера со мною, чиста, неизмѣнна,
Здѣсь, на Олимпѣ, межъ вѣчныхъ богинъ.
Смертный, посмѣвшій мечтать дерзновенно,
Вѣчно страдай, всѣ надежды покинь!

Иксіонъ.

О Зевсъ! я радостную Геру
Привелъ къ себѣ, въ ночную тишь.
Чѣмъ эту пламенную вѣру
Въ моей душѣ ты заглушишь?
Такъ! сдѣлай казнь страшнѣй, огромнѣй,
Я счастливъ роковой судьбой!
А ты, боговъ властитель, помни,
Что я смѣялся надъ тобой!

1913.

4. ФИЛЛИДА.

Я помню: мой корабль разбитый
Сталъ у Ѳракійскихъ береговъ.
О, кто жъ явился мнѣ защитой
Въ чужой странѣ, среди враговъ?

Ты, Родопейская Филлида,
Царевна, косы чьи—какъ смоль!
Ты облегчила всѣ обиды,
Всю сердца сумрачнаго боль!

И я, въ опочивальнѣ темной,
Испилъ всѣ радости любви,
Припавъ, въ безвольности нескромной,
На груди полныя твои!

И что жъ! На родинѣ прещеньемъ
Мнѣ встали козни, войны, понтъ,—
И годы медлилъ возвращеньемъ
Къ тебѣ невѣрный Демофонтъ!

Я вѣрилъ: ты меня дождешься,
Моя далекая жена!
И снова въ грудь мою вопьешься
Зубами, въ нѣгѣ полусна.

И вотъ опять на берегъ дальній
Я прибылъ: но тебя здѣсь нѣтъ,
И только тихій кустъ миндальный
Твердитъ про счастье прошлыхъ лѣтъ.

О! я вопьюсь въ него зубами,
Приникну къ золотой корѣ,
И, знаю, свѣжими листами
Онъ обновится на зарѣ!

Его я выпью кровь и соки,
Такъ, какъ любовникъ пьетъ любовь!
Какъ другъ отъ друга мы далеки,
Какъ близки мы, Филлида, вновь!

1913.

5. ВЪ РАЗРУШЕННОМЪ МЕМФИСѢ.

Какъ царственно въ разрушенномъ Мемфисѣ,
Когда луна, тысячелѣтій глазъ,
Глядитъ печально изъ померкшей выси
На городъ, на развалины, на насъ.

Лѣнивый Нилъ плыветъ, какъ воды Стикса;
Громады стѣнъ проломленныхъ хранятъ
Слѣды кирки неистоваго гикса;
Строгъ уцѣлѣвшихъ обелисковъ рядъ.

Я—скромный гость изъ молодой Эллады,
И, въ тихій часъ таинственныхъ планетъ,
Обломки громкаго былого рады
Шепнуть пришельцу горестный привѣтъ:

«Ты, странникъ изъ земли, любимой небомъ,
Сынъ племени, идущаго къ лучамъ,—
Пусть ты клянешься Тотомъ или Фебомъ,
Внимай, внимай, о чужестранецъ, намъ!

«Мы были горды, высились высоко,
И сердцемъ міра были мы въ вѣкахъ,—
Но часъ насталъ, и вотъ, подъ бурей Рока,
Погнулись мы и полегли во прахъ.

«Въ твоей странѣ такія же колонны,
Какъ стебли, капителью расцвѣтутъ,
Падетъ предъ ними путникъ удивленный,
Ихъ чудомъ свѣта люди назовутъ.

«Но и твои поникнутъ въ прахъ твердыни,
Чтобъ послѣ путники иной страны,
Останки храмовъ видя средь пустыни,
Дивились имъ, величьемъ смущены.

«Быть можетъ, въ земляхъ ихъ возстанутъ тоже
Дворцы царей и капища боговъ,
Но будутъ нѣкогда и тѣ похожи
На мой скелетъ, простертый межъ песковъ.

«Поочередно скиптръ вселенской славы
Градъ граду уступаетъ. Не гордись,
Пришелецъ. Въ мірѣ всѣ на время правы,
Но вѣчно правъ лишь тотъ, кто держитъ высь!»

Торжественъ голосъ царственныхъ развалинъ,
Но, словно Стиксъ, струится черный Нилъ.
И дискъ луны, прекрасенъ и печаленъ,
Свой вѣчный путь вершитъ надъ сномъ могилъ.

1913.

6. СНЫ.

Въ замкѣ пышномъ и старинномъ, гдѣ пустынный кругъ покоевъ
Освященъ и облелѣянъ грустной тайной тишины,
Дни слѣдя, какъ свитокъ длинный, жажду жизни успокоивъ,
Я всегда мечтой овѣянъ, я храню любовно сны.

Сны приходятъ въ пестрой смѣнѣ, рядъ видѣній нѣжитъ душу,
Но одна мечта межъ ними мнѣ дороже всѣхъ другихъ.
Ради милыхъ умиленій давней клятвы не нарушу,
Утаю святое имя, не включу въ пѣвучій стихъ!

Словно дѣвушка стыдлива, шаловлива какъ ребенокъ,
И какъ женщина желанна, предо мной встаетъ она:
Губы сжаты такъ тоскливо, станъ изогнутый такъ тонокъ,
И глаза глядятъ такъ странно—изъ глубинъ неясныхъ сна!

Въ замкѣ пышномъ и старинномъ, мы, въ пустынной старой залѣ,
Руки медленно сплетаемъ, тамъ, гдѣ дремлютъ зеркала,
Соблазнительно-невинно, въ дрожи счастья и печали,
Клятвы страсти повторяемъ, и отъ нихъ блѣднѣетъ мгла.

Теплыхъ устъ прикосновенья, приближенья рукъ палящихъ,
И біенье близко, рядомъ, сердца въ трепетной груди...
Но потомъ, какъ дуновенье, словно листьевъ шелестящихъ,
Съ вѣтромъ, шопоты надъ садомъ, — тихій голосъ: «Уходи!»

Зову тайному покорна, изъ упорныхъ рукъ безъ слова
Ускользая, на прощанье изъ стекла бросаетъ взглядъ...
Но уже надъ бездной черной рой видѣній вьется снова:
Формъ безстыдныхъ очертанья, очи, губы, хаосъ, адъ...

Въ замкѣ пышномъ и старинномъ, гдѣ пустынно дремлютъ тѣни,
Какъ въ безмолвіи могилы, я живу въ беззвучной мглѣ,
Сны слѣжу, какъ свитокъ длинный, чтобъ среди иныхъ видѣній
Увидать, какъ обликъ милый улыбнется мнѣ въ стеклѣ!

1912.

7. НА ПЕСКѢ.

На пескѣ, предъ дверью бестіарія,
На потѣху яростныхъ людей,
Быть простертымъ въ сѣткѣ споліарія,
Слыша дикій вопль толпы: «Добей!»

Если взоръ не застланъ тьмой кровавою,
Разсмотрѣть надъ сводомъ въ вышинѣ
Кесаря, что гордъ всемірной славою,
И весталокъ въ бѣломъ полотнѣ;

Кругъ красавицъ, съ пышными криналями,
Юношей, съ веселіемъ въ очахъ,
Феба ликъ, сіяющій надъ далями,
Въ чистыхъ недоступныхъ небесахъ;

Вспомнить все, что можетъ сладко-бурнаго
Встрѣтиться безправному рабу:
Бредъ безпечный праздника Сатурнова,
Ласки потаенной ворожбу;

И, понявъ, что въ мірѣ нѣтъ желаннѣе
Ничего, чѣмъ эта жизнь людей,—
Чуть шепнуть покорное прощаніе
Подъ гудящій вопль толпы: «Добей!»

1913.

XVIII. ВЪ ВАШИХЪ ЧЕРТОГАХЪ.

Въ вашихъ чертогахъ мой духъ окрылился.
А. Фетъ.

---

1. 1812—1912.

Вотъ вновь мои мечты ведутъ знакомый танецъ,
Знакомыхъ образовъ рой рѣетъ вдалекѣ.
Ты снова предо мной, надменный корсиканецъ,
Вновь—въ треуголкѣ, вновь—въ походномъ сюртукѣ.

Любовникъ раннихъ думъ, герой мечтаній дѣтства!
Твой геній яростный, какъ Демона, я чтилъ,
И грезамъ зрѣлыхъ лѣтъ достался онъ въ наслѣдство...
Нѣтъ, я, Наполеонъ, тебя не разлюбилъ!

Мы всѣ—игрушки силъ, незримыхъ, но могучихъ,
Маріонетки—мы, и Рокъ играетъ въ насъ.
Но міру ты предсталъ, какъ зарево на тучахъ,
И до послѣднихъ дней, блистая, не погасъ!

И вновь ты предо мной, великій, какъ бывало,
Какъ въ грозный день, когда надъ Нѣманомъ стоялъ,
И рать безсчетная грудь родины топтала,
И злость Европы ты орлами окрылялъ.

Умѣлъ согласовать съ Судьбой ты жестъ и слово:
Актеръ великій! что Неронъ передъ тобой!
Ты въ каждомъ дѣйствіи являлся въ маскѣ новой,
Владѣя до конца восторженной толпой.

Вождь малой арміи, ты дерзокъ при Арколѣ;
Король всѣхъ королей, въ Берлинѣ лестью пьянъ;
И, какъ герой, великъ въ своей жестокой долѣ,
«Гдѣ сторожилъ тебя великій океанъ!»

Вершитель давнихъ распрь, посланникъ Провидѣнья,
Ты ветхое стиралъ съ Европы, новый міръ
Являя предъ людьми,—и будутъ поколѣнья
Восторженно взирать на бронзовый кумиръ.

Александрійскій столпъ! склонись передъ колонной
Вандомской! пусть ее свергали, но она
Опять возносится главою непреклонной,
И не свалить ее вѣтрамъ Бородина!

Не стыдно пасть въ борьбѣ, какъ древнему герою,
Какъ пали нѣкогда Титаны и Эдипъ.
И ты, внимая волнъ безжалостному вою,
Могъ смѣло говорить: «Мой подвигъ не погибъ!»

Тиранъ въ кругу льстецовъ! губитель силъ народа!
Ненасытимый вождь! вмѣстилище войны!
Тобою создана въ пяти странахъ свобода,
И цѣпи ржавыя тобой сокрушены!

Будь славенъ! И Тильзитъ, и «солнце Аустерлица»
Не страшны въ прошломъ намъ. Они прошли, какъ сонъ.
Изъ пепла выросла сожженная столица,
И, русскіе, тебя мы чтимъ, Наполеонъ!

За все: за геній твой, за дерзость, за надменность,
За красоту твоей слѣпительной судьбы,
За то, что ты позналъ земныхъ величій бренность,
За то, что показалъ, какъ жалки всѣ рабы.

Ты былъ примѣромъ намъ, и за тобой, упорны,
Должны стремиться мы! Пусть насъ ведутъ орлы
Къ Фридланду, на Ваграмъ,—а тамъ пусть жребій черный
Повергнетъ насъ во прахъ, на знойный край скалы!

Іюль 1912.

2. ГАРИБАЛЬДИ.

Что сдѣлалъ ты, кѣмъ былъ, не это важно!
Но ты при жизни сталъ священнымъ миѳомъ,
Въ народной памяти звенишь струной протяжной,
Горишь въ вѣкахъ святымъ іероглифомъ!

Что свято въ словѣ роковомъ «свобода»,
Что въ словѣ «родина» свѣтло и свято,
Для итальянскаго народа
Все въ имени твоемъ объято.

Кто бъ ни былъ итальянецъ: ладзарони,
Купецъ, поэтъ, вельможа иль убійца,—
Онъ склонится, какъ предъ царемъ въ коронѣ,
Предъ краснымъ колпакомъ гарибальдійца.

Ты въ сотняхъ изваяніяхъ умноженъ,
Въ деревнѣ, въ городѣ, въ открытомъ полѣ;
Стоишь, восторженъ и тревоженъ,
Зовя согражданъ къ торжеству и къ волѣ:

Но, пламенный трибунъ и вождь толпы упорный,
При всѣхъ паденьяхъ не терявшій вѣры!
Твой пьедесталъ нерукотворный—
Гранитъ Капреры!

1913.

3. ПѢВЦУ СЛОВА.

Стародавней Ярославнѣ тихій ропотъ струнъ:
Ликъ твой скорбный, ликъ твой блѣдный, какъ и прежде,
юнъ.
Раннымъ-рано ты проходишь по градской стѣнѣ,
Ты заклятье шепчешь солнцу, вѣтру и волнѣ,
Полетѣть зегзицей хочешь въ даль, къ рѣкѣ Каялъ,
Гдѣ безъ силъ, въ травѣ кровавой, милый задремалъ.
Ахъ, о мужѣ-господинѣ вся твоя тоска!
И, крутясь, уноситъ слезы въ степи Днѣпръ-рѣка.

Стародавней Ярославнѣ тихій ропотъ струнъ.
Ликъ твой древній, ликъ твой свѣтлый, какъ и прежде,
юнъ.
Иль пѣвецъ безвѣстный, мудрый, тотъ, кто Слово
спѣлъ,
Всѣ мечты вѣковъ грядущихъ тайно подсмотрѣлъ?
Или русскихъ женщинъ лики всѣ въ тебѣ слиты?
Ты—Наташа, ты—и Лиза, и Татьяна—ты!
На стѣнѣ ты плачешь утромъ... Какъ свѣтла тоска!
И, крутясь, уноситъ слезы пѣснь пѣвца—въ вѣка!

1912.

4. ПЕТЕРБУРГЪ.

Здѣсь сновъ не ваялъ Сансовино,
Не разводилъ садовъ Ле-Нотръ.
Все, волей мощной и единой,
Предначерталъ Великій Петръ.

Остановивъ въ болотной топи
Коня неистоваго скокъ,
Онъ повернулъ лицомъ къ Европѣ
Русь, что смотрѣла на востокъ;

Сковалъ сѣдымъ гранитомъ рѣки,
Возвысилъ золоченый шпиль,
Чтобъ въ ясной мглѣ, какъ призракъ нѣкій,
Гласилъ онъ будущую быль.

Вдали—поля, поля Россіи,
Усталый трудъ, глухая лѣнь,
Все тѣ же нивы вѣковыя
Все тѣхъ же скудныхъ деревень;

Вдали,—какъ рѣдкія цвѣтенья,
Шумятъ несмѣло города,
Въ краяхъ тоски и униженья,
Былого рабства и стыда.

Но Петроградъ огнями залитъ,
Въ немъ пышный роскоши расцвѣтъ,
Въ немъ мысль неутомимо жалитъ,
Въ немъ тайной опьяненъ поэтъ,

Въ немъ властенъ твой холодный геній,
Нашъ Кесарь-Августъ, нашъ Ликургъ!
И отзвукомъ твоихъ стремленій
Живетъ до нынѣ Петербургъ!

1912.

5. ТРИ КУМИРА.

Въ этомъ мутномъ городѣ тумановъ,
Въ этой тусклой, безразсвѣтной мглѣ,
Гдѣ строенья, станомъ великановъ,
Размѣстились тѣсно по землѣ,—

Попирая, въ гордости побѣдной,
Ярость змѣя, сжатаго дугой,
По граниту скачетъ Всадникъ Мѣдный,
Съ царственно протянутой рукой;

А другой, съ торжественнымъ обличьемъ,
Строгое спокойствіе храня,
Упоенный силой и величьемъ,
Правитъ скокомъ сдержаннымъ коня;

Третій, на конѣ тяжелоступномъ,
Въ землю втиснувшемъ упоръ копытъ,
Въ полуснѣ, волненью недоступномъ,
Недвижимо, сжавъ узду, стоитъ.

Изступленно скачетъ Всадникъ Мѣдный;
Непоспѣшно ѣдетъ конь другой;
И сурово, съ мощностью наслѣдной,
Третій конникъ стынетъ надъ толпой;—

Три кумира въ городѣ тумановъ,
Три владыки въ безразсвѣтной мглѣ,
Гдѣ строенья, станомъ великановъ,
Размѣстились тѣсно по землѣ.

1913.

6. «БАХУСЪ» РУБЕНСА.

Бахусъ жирный, Бахусъ пьяный
Сѣлъ на бочку отдохнуть.
За его плечомъ—багряный
Женскій пеплумъ, чья-то грудь.

Бочка словно тихо ѣдетъ,
Словно катится давно,
Но рукой привычной цѣдитъ
Въ чашу женщина вино.

Веселъ богъ черноволосый,
Ждетъ вечерней темноты;
Кое-какъ льняныя косы
У подруги завиты.

Скрыто небо черной тучей,
Мгла нисходитъ на поля...
Послѣ чаши—ласки жгучи,
И желанный одръ—земля!

Но, забывъ про грезы эти,
Опрокинувъ къ горлу жбанъ,
Жадно влагу тянетъ третій...
Ахъ, старикъ, ты скоро—пьянъ.

Только дѣвочкѣ-малюткѣ
Странно: что же медлитъ мать?
Только мальчикъ, ради шутки,
Рубашонку радъ поднять.

Изъ пяти—блаженны двое;
Двумъ—блаженство знать потомъ;
Пятый вѣдалъ все земное,
Но блаженъ и онъ—виномъ.

1912.

ФІОЛЕТОВЫЙ.

XIX. Въ душевной глубинѣ.—XX. Въ минуту жизни...—
XXI. На памятномъ листкѣ.

XIX. ВЪ ДУШЕВНОЙ ГЛУБИНѢ.

Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ.
А. Майковъ.

Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи.
Ѳ. Тютчевъ.

---

1. НОВАЯ СЕСТРА.

Вкругъ меня наклоняется хоръ возвратившихся дѣвъ...
Всѣ Напѣвы.

Здравствуй, здравствуй, новая сестра,
Къ намъ пришедшая, съ тоской во взорѣ,
Въ часъ, когда дорога серебра
Перешла олуненное море!

Пышенъ твой причудливый нарядъ,
Крупны серьги изъ морскихъ жемчужинъ,
Ярокъ надъ челомъ алмазовъ рядъ,
А надъ лономъ поясъ странно суженъ.

Кто ты? Полы храмовыхъ завѣсъ
Вскрывъ, не ты ль звала служить Ашерѣ?
Иль тебѣ дивился Бенаресъ,
Межъ святыхъ плясуній, баядерѣ?

Иль съ тобой, забывъ войну, Тимуръ
На пушистыхъ шкурахъ спалъ въ гаремѣ?
Иль тебя толпѣ рабовъ Ассуръ
Представлялъ царицей въ діадемѣ?

Все равно. Войди въ нашъ тѣсный кругъ,
Стань теперь для міра безымянной.
Видишь: мѣсяца прозрачный плугъ
Распахалъ уже просторъ туманный.

Часъ подходитъ потаенныхъ сновъ,
Возстающихъ надъ любовнымъ ложемъ...
Мы, заслыша предрѣшенный зовъ,
Не сойти къ избранникамъ не можемъ.

Будь готова къ буйству новыхъ плясокъ
И къ восторгу несказанныхъ пытокъ,
Чтобъ излить вино запретныхъ ласкъ,
Словно смѣшанный съ огнемъ напитокъ!

Будь готова, новая сестра,
Наклоняясь къ тайнамъ изголовій,
Досказать начатую вчера
Сказку счастья, ужаса и крови!

1913.

2. УМИРАЮЩІЙ ДЕНЬ.

Минувшій день, склоняясь головой,
Мнѣ говоритъ: «Я умираю. Новый
Уже идетъ въ порфирѣ огневой.

Ты прожилъ день унылый и суровый.
Лѣниво я влачилъ за часомъ часъ:
Разсвѣтъ былъ хмуръ и тусклъ закатъ багровый.

За блѣднымъ полднемъ долго вечеръ гасъ;
И для тебя всѣ миги были скудны,
Какъ старый, въ дѣтствѣ читанный, разсказъ.

Зато со мной ты путь прошелъ нетрудный,
И въ часъ, когда мнѣ—смерть, и сонъ—тебѣ,
Мы разстаемся съ дружбой обоюдной.

Инымъ огнемъ горѣть въ твоей судьбѣ
Другому дню, тому, кто ждетъ на смѣнѣ.
Зловѣщее я слышу въ ворожбѣ

Угрюмыхъ паркъ. О, бойся ихъ велѣній!
Тотъ день сожжетъ, тотъ день тебя спалитъ.
Ты будешь, мучась, плакать объ измѣнѣ,

Въ подушки прятать свой позоръ и стыдъ,
И, схваченъ вихремъ ужаса и страсти,
Всѣмъ тѣломъ биться о ступени плитъ!

Но день идетъ. Ты—у него во власти.
Такъ молви мнѣ: «прости», какъ другу. Я—
День безъ восторговъ, но и безъ несчастій!»

Въ смущеньи слушаю; душа моя
Знакомымъ предвкушеніемъ объята
Безумной бури въ безднѣ бытія...

Какъ эти штормы я любилъ когда-то.
—Но вотъ теперь въ душѣ веселья нѣтъ,
И тусклый день жалѣю я, какъ брата,

Смотря съ тоской, что теплится разсвѣтъ.

1915

3. ОКЕАНЪ—РУЧЬЮ.

Я—океанъ, соленый и громадный;
Люблю метать на берегъ пѣнный валъ,
Люблю ласкать, цѣлуя пастью жадной,
Нагія груди сине-сизыхъ скалъ.

Люблю, затѣявъ съ бурей поединокъ,
Взносить до тучъ поверхность зыбкихъ водъ,
Бросать китовъ, какъ маленькихъ сардинокъ,
Смѣясь, кренить озлобленный дредноть!

Я—океанъ, соленый и холодный.
Зачѣмъ же ты, дрожа, ко мнѣ приникъ,
Земной потокъ, спокойный, прѣсноводный,
Цѣлуешь устьемъ мой огромный ликъ?

Привыкъ ты литься по лѣснымъ полянамъ,
Поить людей, ихъ отражать глаза...
Тебѣ ли слиться съ древнимъ океаномъ,
Съ тѣмъ, съ кѣмъ дружатъ—лишь вѣтеръ да гроза!

Ступай назадъ, къ своимъ лугамъ зеленымъ,
Предайся грезамъ, въ вѣчно-мирномъ снѣ,
Иль сдайся бурямъ, темнымъ и соленымъ,
Растай, исчезни, потони во мнѣ!

1913.

4. НОЧЬ.

Вѣтки темнымъ балдахиномъ свѣшивающіяся,
Шумы рѣчки съ дальней пѣсней смѣшивающіяся,
Звѣзды въ ясномъ небѣ слабо вздрагивающія,
Штампы розъ свои цвѣты протягивающіе,
Запахъ травъ, что въ сердце тайно вкрадывается,
Тѣней сѣть, что страннымъ знакомъ складывается,
Вкругъ луны живая дымка газовая,
Рядомъ шопотъ, что поетъ, досказывая,
Клятвы, днемъ глубоко затаенныя,
И еще,—еще глаза влюбленные,
Блескъ зрачковъ при лунномъ свѣтѣ бѣломъ,
Дрожь рѣсницъ въ движеніи несмѣломъ,
Алость губъ не отскользнувшихъ прочь,
Милыхъ, близкихъ, жданныхъ... Это—ночь!

5 янв. 1915.

5. УСНИ, БѢЛОСНѢЖНОЕ ПОЛЕ.

Усни, бѣлоснѣжное поле!
Замри, безмятежное сердце!
Надъ мигомъ восходитъ безстрастье;
Какъ мѣсяцъ, наводитъ сіянье
На грезы о нѣжащей страсти,
На память о рѣжущей ласкѣ...
Конецъ. Отзвучали лобзанья.
Въ душѣ ни печали, ни счастья...
Такъ спятъ безотвѣтныя дали,
Молчатъ многоцвѣтныя травы,
Одѣты холоднымъ покровомъ,
Подъ синимъ, безплоднымъ сіяньемъ.
Спи, спи, бѣлоснѣжное поле!
Умри, безнадежное сердце!

29-30 окт. 1915.

6. ВСѢМЪ.

О, сколько разъ, блаженно и безгласно,
Въ полночной мглѣ, свою мечту храня,
Ты думала, что обнимаешь страстно—
Меня!

Пусть миги были тягостно похожи!
Ты вѣрила, какъ въ первый день любя,
Что я сжимаю въ сладострастной дрожи—
Тебя!

Но лгали образы часовъ безсонныхъ,
И крыли тайну створы темноты:
Была въ моихъ объятьяхъ принужденныхъ—
Не ты!

Вскрыть сладостный обманъ мнѣ было больно,
И я молчалъ, отчаянье тая...
Но на твоей груди лежалъ безвольно—
Не я!

О, какъ бы ты, страдая и ревнуя,
Отпрянула въ испугѣ предо мной,
Понявъ, что я клонюсь, тебя цѣлуя,—
Къ другой!

1913.

7. НАДЪ ОМУТОМЪ.

Вѣтеръ, сумрачно пророчащій,
Всплескъ волны, прибрежье точащей,
Старыхъ сосенъ скорбный скрипъ...
Строго—древнее урочище!
Миновавъ тропы изгибъ,
Вѣрю смутно, что погибъ.

На гранитѣ, вдоль расколотомъ,
Отливая тусклымъ золотомъ,
Кустъ надъ омутомъ повисъ.
Застучитъ въ виски, какъ молотомъ,
Если гибельный капризъ
Вдругъ заставитъ глянуть внизъ.

Холодна вода глубокая...
Но со дна голубоокая
Дѣва-призракъ поднялась.
Иль уже въ водѣ глубоко я?
Иль русалка, засмѣясь,
Бѣлыхъ рукъ замкнула связь?

Вѣтеръ плачется, пророчащій;
Плещетъ валъ, прибрежье точащій;
Смолкли всплески быстрыхъ рыбъ.
Строго—древнее урочище!
Стонетъ сосенъ скорбный скрипъ,
Что еще пришлецъ погибъ!

1915.

8. КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Забава милой старины,
Игрушка бабушекъ жеманныхъ,
Ты имъ являлъ когда-то сны
Видѣній призрачныхъ и странныхъ.

О, трубочка съ простымъ стекломъ,
Любимица княгинь и графовъ!
Что мы теперь въ тебѣ найдемъ,
Въ годину синематографовъ?

Позволь къ тебѣ приблизить глазъ;
Своей измѣнчивой усладой
(Ахъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ!)
Его обманчиво обрадуй!

Ярко и четко, въ прозрачности синей,
Ало-зеленыя звѣзды горятъ.
Странны случайности сломанныхъ линій...
Это—кометы въ эѳирной пустынѣ,
Это—цвѣты на лазоревой льдинѣ,
Чуждыхъ цвѣтовъ металлическій садъ!

Мигъ,—все распалось въ стремительной смѣнѣ!
Кто, окрыленный строитель, воздвигъ
Эти дворцы упоительной лѣни,
Башни безвѣстныхъ, лѣнивыхъ Арменій,
Тѣ арабески и эти мишени,
Эти фонтаны изъ золота?—мигъ,—

Вновь все распалось, и встали кораллы,
Вкругъ перевиты живымъ жемчугомъ.
Или рубины, пронзительно-алы,
Яркость вонзили въ живые кристаллы?
Или наполнены кровью бокалы,
Бѣлый хрусталь ярко-краснымъ виномъ?

Довольно! дѣтства давній другъ,
Ты мнѣ опять напомнилъ грезы,
Когда такъ сладостно вокругъ
Сплетались трауры и розы!

Ты мнѣ вернулъ забытый рай
Изъ хризолита и сапфира!
Опять безмолвно отдыхай,
Тайникъ непознаннаго міра.

Свой лалъ, свой жемчугъ, свой алмазъ
Таи, окованный молчаньемъ,
Пока опять захочетъ глазъ
Прильнуть къ твоимъ очарованьямъ.

1913.

XX. ВЪ МИНУТУ ЖИЗНИ...

Въ минуту жизни трудную...
М. Лермонтовъ.

---

1. У РАЙСКИХЪ ВРАТЪ.

Мимо стѣнъ таинственнаго Рая
Я не разъ въ томленьи проходилъ.
Тамъ фонтанъ жемчужной пылью билъ.
У воротъ невѣдомаго Рая
Я, какъ прежде, голову склонилъ.

И, какъ прежде, знаю: не войти мнѣ
Въ эти, лаломъ яркія, врата.
Не прославитъ въ умиленномъ гимнѣ
Счастье жизни тихая мечта.
Да, какъ прежде знаю: не войти мнѣ,—
Дверь, сверкая лаломъ, заперта.

И опять, далекимъ полукругомъ
Въ степь глухую путь мой поведетъ.
Тамъ—одинъ, съ любовницей, иль съ другомъ,—
Буду слышать грозный зовъ: «Впередъ!»
Путь ведетъ далекимъ полукругомъ,
И пылаетъ жгучій небосводъ.

1915. Варшава.

2. ЕДИНОБОРСТВО.

Я—побѣжденъ, и, не упорствуя,
Я встрѣчу гибельный клинокъ.
Я жизнь провелъ, единоборствуя,
Съ тобою, Черный Рыцарь, Рокъ.
Теперь, смирясь, теперь, покорствуя,
Я признаю: исполненъ срокъ!

Не мало выпадовъ губительныхъ
Я отразилъ своимъ щитомъ,
Ударовъ солнечно-слѣпительныхъ,
Горѣвшихъ золотымъ огнемъ.
И, день за днемъ, я, въ схваткахъ длительныхъ,
Съ тобой стоялъ, къ лицу лицомъ.

Не разъ я падалъ, опрокинутый;
Мой панцырь былъ отъ крови алъ,
И я надъ грудью видѣлъ—вынутый
Изъ ноженъ твой кривой кинжалъ.
Но были миги смерти минуты,
И, съ новой силой, я вставалъ.

Пусть, пусть отъ вѣка предназначено,
Кому торжествовать изъ насъ:
Была надежда не утрачена—
Продлить борьбу хоть день, хоть часъ!
Пусть горло судорогой схвачено,
Не мнѣ просить о coup de grace!

Вотъ выбитъ мечъ изъ рукъ; расколото
Забрало; я поникъ во прахъ;
Вихрь молній, пламени и золота
Все вкругъ застлалъ въ моихъ глазахъ...
Что жъ медлить? Пусть, какъ тяжесть молота,
Обрушится послѣдній взмахъ!

Декабрь 1913.

3. МОЛИТЬСЯ.

Молиться? Я желалъ
Молиться, но душа,
Какъ дорогой кристаллъ,
Блистаетъ, не дыша.

Упавъ на грани, лучъ
Стоцвѣтно отраженъ,
Но, благостенъ и жгучъ,
Внутрь не проникнетъ онъ.

Внутри, какъ въ глыбѣ льда,
Лишь вѣчный холодъ; вздохъ
Не вѣетъ никогда...
Сюда ль проникнетъ Богъ?

Богъ—лишь въ живыхъ сердцахъ,
Богъ есть живой союзъ:
Онъ въ небѣ, Онъ въ волнахъ,
Въ тѣлахъ морскихъ медузъ.

Кристаллъ же мертвъ. Горитъ
Лишь мертвымъ онъ огнемъ,
Какъ камень драконитъ,
Зажженный смертнымъ сномъ.

Молиться? Я хочу
Молиться, но душа
Отвѣтствуетъ лучу
Блистаньемъ, не дыша.

25 ноября 1913.

4. РОНДО.

Я плачу. Вдоль пути печаленъ сосенъ рядъ.
Уснулъ ямщикъ, забывъ стегать худую клячу.
Смотря на огненный, торжественный закатъ,
Я плачу.

Тамъ, въ небѣ пламенномъ, я, малый, что я значу?
Здѣсь тихо дни ползутъ, а тамъ вѣка летятъ,
И Небу некогда внимать людскому плачу!

Такъ и въ ея душѣ—я только бѣглый взглядъ...
И съ мыслью обо всемъ, что скоро я утрачу,
Съ унылой памятью утерянныхъ усладъ,
Я плачу...

1912.

5. ЧЕЙ-ТО ЗОВЪ.

Чей-то зовъ, какъ вздохъ усталый...
Иль то шепчутъ чаши лилій,
Тѣ, что въ узкіе бокалы
Стебли змѣйно опустили?

Чей-то зовъ, какъ вздохъ усталый...
Иль то—пѣсня, что пропѣли
Въ яркомъ блескѣ тронной залы
Предъ Изоттой менестрели?

Чей-то зовъ, какъ вздохъ усталый...
Иль доносятся привѣты
До земли, песчинки малой,
Сквозь эѳиръ съ иной планеты?

Чей-то зовъ, какъ вздохъ усталый...
Иль то снова голосъ милый,
Сквозь покровъ травы завялой,
Долетаетъ изъ могилы?

1914.

6. ВЪ ЛѢСУ.

Если сердцу тяжко и грустно,
И надежда сомнѣньемъ отравлена,
Во дни крестоносныхъ битвъ,—
Помолись молитвой изустной,
Гдѣ благость небесная явлена,
Сладчайшей изъ сладкихъ молитвъ.

«Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся,
Блажени алчущіи, яко тіи насытятся,
Блажени есте, егда ижденутъ...»
Хорошо въ лѣсу, предъ боемъ, спѣшиться,
Духомъ отъ праха къ горнимъ восхититься,
Одиноко свершить надъ собой страшный судъ.

Настанутъ сраженья минуты суровыя,
Раненыхъ крики замрутъ безъ участія,
Какъ цѣпы, застучатъ мечи о щиты;
Тутъ сводомъ свисаютъ листочки кленовые,
И незримо съ небесъ подаешь мнѣ причастіе,
Всѣхъ скорбящихъ Заступница, Ты!

1913.

XXI. НА ПАМЯТНОМЪ ЛИСТКѢ.

...живъ у васъ на памятномъ листкѣ.
Кн. П. А. Вяземскій.

...на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ...
А. Пушкинъ.

---

1. Н. Н. САПУНОВУ.

По небу полуночи...
М. Лермонтовъ.

Когда твою душу въ объятіяхъ несъ
Твой ангелъ въ селенія слезъ,
Не небомъ ночнымъ онъ съ тобою летѣлъ,
Онъ тихую пѣсню не пѣлъ.

Тебя проносилъ онъ, печаленъ и нѣмъ,
Чрезъ дивно сіявшій Эдемъ,
Гдѣ, въ блескѣ невѣдомой намъ красоты,
Дышали живые цвѣты;

Гдѣ высился радугъ стокрасочныхъ сводъ
Надъ яркой прозрачностью водъ;
И отсвѣты чудныхъ и нѣжныхъ огней
Въ душѣ затаились твоей.

Всю краткую жизнь ты томился мечтой,
Какъ выразить блескъ неземной,
Любя безнадежно земные цвѣты,
Какъ отблескъ иной красоты.

1914.

2. НА СМЕРТЬ А. Н. СКРЯБИНА.

Онъ не искалъ—минутно позабавить,
Напѣвами утѣшить и плѣнить;
Мечталъ о высшемъ: Божество прославить
И бездны духа въ звукахъ озарить.

Металлъ мелодій онъ посмѣлъ расплавить,
И въ формы новыя хотѣлъ излить;
Онъ неустанно жаждалъ жить и жить,
Чтобъ завершеннымъ памятникъ поставить.

Но судитъ Рокъ. Не будетъ конченъ трудъ!
Расплавленный металлъ безцѣльно стынетъ:
Никто его, никто въ русло не двинетъ...

И въ дни, когда Война вершитъ свой судъ
И мысль успѣла съ жатвой труповъ сжиться,—
Вотъ съ этой смертью сердце не мирится!

17 апр. 1915.
Варшава.

З. Ѳ. СОЛОГУБУ.

Тріолетъ.

Зѣвъ безпощадной орхидеи—
Твой строгій символъ, Сологубъ.
Влечетъ изгибомъ алчныхъ губъ
Зѣвъ безпощадной орхидеи.
Мы знаемъ, день за днемъ вѣрнѣе,
Что намъ непобѣдимо любъ—
Зѣвъ безпощадной орхидеи,
Твой строгій символъ, Сологубъ!

1913.

4. ИГОРЮ СѢВЕРЯНИНУ.

Строя струны лиры клирной,
Братьевъ ты собралъ на брань.
Плащъ алмазный, плащъ сапфирный
Сбрось, отбрось свой посохъ мирный,
Въ блескѣ свѣтлаго доспѣха, въ блѣдно-мѣдномъ шлемѣ
встань.

Юныхъ лириковъ учитель,
Вождь отважно-жадныхъ душъ,
Старыхъ граней разрушитель,—
Встань предъ ратью, предводитель,
Сокрушай преграды грезы, стѣны тѣсныхъ склеповъ
рушь!

Не пеанъ взываетъ пьяный,
Чу! гудитъ автомобиль!
Мчатъ, треща, аэропланы
Храбрыхъ въ сказочныя страны!
Въ шумѣ жизни, въ бурѣ вѣка, рать веди, взметая пыль!

20 января 1912.

5. ИГОРЮ СѢВЕРЯНИНУ.

Сонетъ-акростихъ съ кодою.

И ты стремишься въ высь, гдѣ солнце—вѣчно,
Гдѣ неизмѣненъ гордый сонъ снѣговъ,
Откуда въ долъ спадаютъ безконечно
Ручьи алмазовъ, струи жемчуговъ.

Юдоль земная пройдена. Безпечно
Свершай свой путь межъ молній и громовъ!
Ѣздокъ отважный! слушай вихрей ревъ,
Внимай съ улыбкой гнѣвамъ бури встрѣчной!

Еще грозятъ зазубрины высотъ,
Расщелины, гдѣ тучи спятъ, но вотъ
Яснѣетъ глубь, въ уступахъ синихъ бора.

Назадъ не обращай тревожно взора,
И съ жадной жаждой новой высоты
Неутомимо правь конемъ,—и скоро

У ногъ своихъ весь міръ увидишь ты!

1912.

6. НИКОЛАЮ БЕРНЕРУ.

Сонетъ-акростихъ.

Нѣмѣютъ волнъ причудливые гребни,
И замеръ лѣсъ, предчувствуя закатъ.
Какъ стражи, чайки на прибрежномъ щебнѣ
Опять покорно выстроились въ рядъ.

Любимый часъ! и даль и тишь цѣлебнѣй!
Алмазы въ небѣ скоро заблестятъ;
Югъ расцвѣтетъ чудеснѣй и волшебнѣй:
Богъ Сумрака сойдетъ въ свой пышный садъ.

Есть таинство въ сіяньи ночи южной,
Роднящей душу съ вѣчной тишиной,
Насъ медленно влекущей въ міръ иной.

Есть мигъ, когда и счастія не нужно:
Рыдать—безумно, ликовать—смѣшно—
У мирныхъ водъ, влекущихъ насъ на дно.

1912.

7. ПУТЬ КЪ ВЫСОТАМЪ.

Сонетъ-акростихъ.

Путь къ высотамъ, гдѣ музы пляшутъ хоромъ,
Открытъ не всѣмъ: онъ скрытъ во тьмѣ лѣсовъ.
Эллада, въ свой послѣднiй день, съ укоромъ
Тайникъ сокрыла отъ другихъ вѣковъ.

Умѣй искать; умѣй упорнымъ взоромъ
Глядѣть во тьму; разслышь чуть слышный зовъ
Алмазы звѣздъ горятъ надъ темнымъ боромъ,
Льетъ ключъ безсонный струи жемчуговъ.

Пройди сквозь мракъ, соблазны всѣ минуя,
Единую безсмертную взыскуя,
Рабомъ склоняйся предъ своей мечтой,

И, вдругъ сожженъ незримымъ поцѣлуемъ,
Нежданной радостью, безъ словъ, волнуемъ,
Увидишь ты дорогу предъ собой.

1912.

8. МОЙ МАЯКЪ.

Мадригалъ.

Мой милый магъ, моя Марія,—
Мечтамъ мерцающій маякъ.
Мятежны марева морскія,
Мой милый магъ, моя Марія,
Молчаньемъ манитъ мутный мракъ...
Мнѣ мѣтитъ мели міровыя
Мой милый магъ, моя Марія,
Мечтамъ мерцающій маякъ!

1914.

9. ДЕВЯТОЕ МАРТА.

Сорокъ было ихъ въ водѣ холодной
Озера,—страдавшихъ за Христа.
Близился конецъ ихъ безысходный,
Застывали взоры и уста;
И они уже не въ силахъ были
Славить Господа въ послѣднiй часъ;
Лишь молитвой умственной хвалили
Свѣтъ небесный, что для нихъ погасъ...

А на брегѣ, въ храминѣ открытой,
Весело огонь трещалъ въ печи;
Сотникъ римскiй тамъ стоялъ со свитой,
Обнажившей острые мечи;
Восклицалъ онъ, полнъ ожесточенья,
Обращаясь къ стынущимъ тѣламъ:
«Августа получитъ тотъ прощенье,
Кто ему воскуритъ ѳимiамъ!»

И одинъ изъ мучимыхъ (не скажемъ
Имени), мученiй не снеся,
Выбѣжалъ на брегъ и крикнулъ стражамъ:
«Отъ Христа—днесь отрекаюсь я!»

Но едва хотѣлъ онъ ароматы
Передъ ликомъ Августа возжечь,
Палъ на землю, смертнымъ сномъ объятый,
Тамъ, гдѣ весело трещала печь.

И увидѣлъ сотникъ: съ неба сходятъ
Сорокъ злато-огненныхъ вѣнцовъ,
И, спускаясь къ озеру, находятъ
Тридцать девять благостныхъ головъ.
Обращенъ внезапно къ правой вѣрѣ,
Сотникъ вскрикнулъ: «Буду въ царствѣ томъ!»
И на гибель бросился Валерій,
Осѣненъ сороковымъ вѣнцомъ.

9 марта 1913.

10. ЛИРА И ОСЬ.

Вячеславу Иванову.

1. Лира.

Прозрѣвъ, я въ лиру вѣрую
Въ медлительномъ раздумьи,
Какъ вѣровалъ въ безумьи
Палящей слѣпоты.
На глубь зелено-сѣрую,
Гдѣ буйствуютъ буруны,
Опять настроивъ струны,
Смотрю, безъ слезъ, какъ ты.

На этой грани каменной,
Блуждая безъ лазури,
Подъ вопль веселый бури,
Корабль мой сокрушенъ.
Но я, съ надеждой пламенной,
Воззвалъ къ богамъ единымъ,
И плещущимъ дельфиномъ
Спасенъ я, Аріонъ!

Здѣсь, подъ скалой свисающей,
Гдѣ тѣни странно-сизы,

Подъ солнцемъ бросивъ ризы,
Я новый гимнъ пою,
И вѣтеръ, сладко тающій
Въ своемъ полетѣ скоромъ
Надъ стихнувшемъ просторомъ,
Донесъ мнѣ пѣснь твою.

Всѣмъ суждены крушенія,
Кто подняль парусъ бѣлый,
Кто въ море вышелъ, смѣлый,
Искать земли иной!
Благихъ боговъ рѣшенія
Да славятъ эти пѣсни:
Опаснѣй и чудеснѣй
Да будетъ жребій твой!

2. Ось.

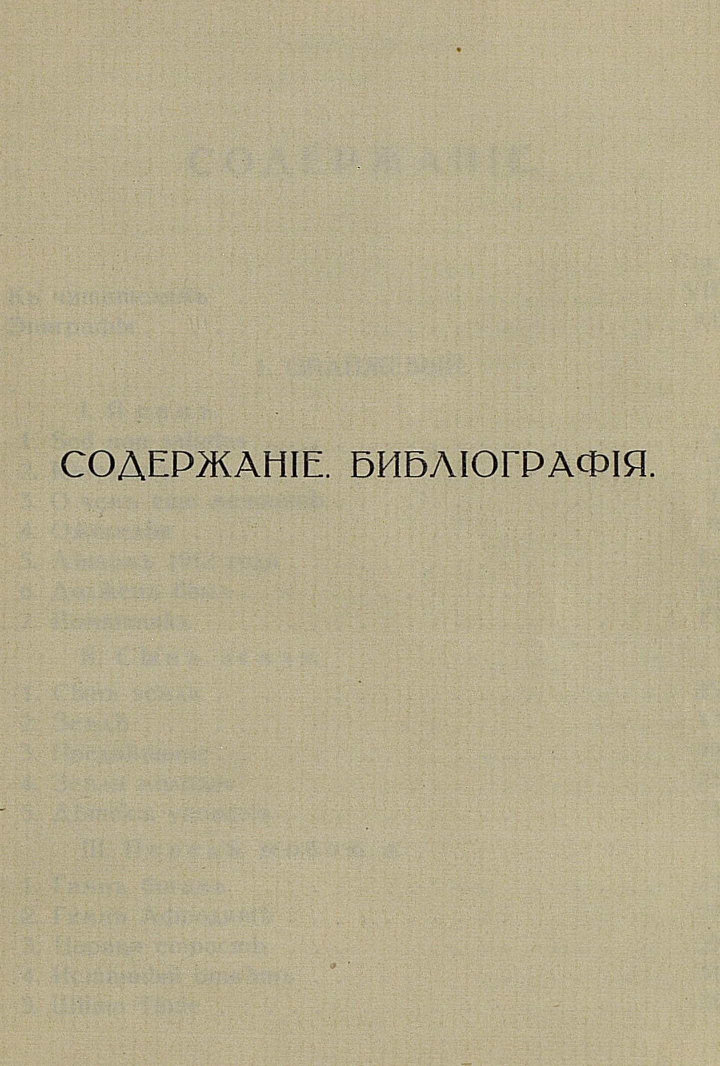
Ты—мнѣ: «Когда у нижней меты
Квадрига рухнетъ, хрустнетъ ось,
И будутъ сотни рукъ воздѣты,—
Ристатель! страхъ напрасный брось!
Пусть мышцы сильныя не дрогнутъ,
Скорѣй клинокъ свой вознеси!..»
И, не повергнутъ и не согнутъ,
Я сталъ у сломанной оси.

Нѣтъ, я не выбуду изъ строя,
Но силы ярыя утроя,
Вновь вожжи туго закручу:
Уже на колесницѣ новой,
Длить состязаніе готовый,
Стою, склоняю грудь, лечу!

Драконы ли твои, Медея,
Триптолема ль живая ось,
Меня возносят пламенѣя,—
Но конямъ не помчаться врозь!
Стою и грудь склоняю косо,
Какъ на землѣ, такъ въ небеси:
Пусть вихрятся въ огнѣ колеса
На адамантовой оси.

И вѣрю: срыва Фаэтона
Я мину на изгибѣ склона,
Гдѣ всѣ чудовища грозятъ,
И по дугѣ сходящей неба
Направлю колесницу Феба—
Зажечь стопламенный закатъ.

1913—14.
Эдинбургъ II.

СОДЕРЖАНІЕ. БИБЛІОГРАФІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

2. ЗЕЛЕНЫЙ.

IV. Въ странѣ тишины.

V. Невѣдомый прохожій.

VI. Природы соглядатай.

3. КРАСНЫЙ.

VII. Подъ улыбкой солнца.

VIII. Въ буйной слѣпотѣ.

IX Тамъ у входа.

4. ЖЕЛТЫЙ.

X. Стоимъ мы слѣпы...

XI. Высокихъ зрѣлищъ зритель.

XV. Дѣтскій блескъ очей.

6. ГОЛУБОЙ.

XVI. Въ старинномъ замкѣ.

XVII. Въ маскѣ.

XVIII. Въ вашихъ чертогахъ.

7. ФІОЛЕТОВЫЙ.

XIX. Въ душевной глубинѣ.

XX, Въ минуту жизни.

XXI. На памятномъ листкѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. *Я самъ*. 1. Sed non satiatus..., «Русск. Мысль» 1913.—2. Юношамъ, «Наши Досуги» 1914, «Русск. Мысль» 1914.—3. «О чемъ еще мечтать»..., «Русс. Мысль» 1914.—4. Ожерелье, «Русс. Мысль» 1913.—5. Лѣтомъ 1912 года, печ. впервые.—6. Долженъ былъ, тоже.—7. Памятникъ, тоже.

II. *Сынъ земли*. 1. Сынъ земли, «Русс. Мысль» 1913.—2. Землѣ, тоже.—3. Предвѣщаніе, тоже.—4. Земля молодая, тоже.—5. Дѣтскія упованія, печ. впервые.

III. *Передъ тобою я*. 1. Гимнъ богамъ, печ. впервые.—2. Гимнъ Афродитѣ, «Русс. Мысль» 1913.—3. Царица Страсть, «Бирж. Вѣд.» 1915.—4. Истинный отвѣтъ, «Русс. Мысль» 1914.—5. Ultima Thule, «Бирж. Вѣд.» 1915.

IV. *Въ странѣ тишины*. 1. Въ разные годы, печ. впервые.—2. Иматра, «Русс. Мысль» 1913.—3. Надъ Иматрой, тоже.—4. У круглаго камня, «Мезонинъ поэзіи» 1913.—5. Сайма, «Русс. Мысль» 1913.

V. *Невѣдомый прохожій*. 1. Закатъ надъ моремъ, «Русс. Мысль» 1913.—2. Надъ сѣвернымъ моремъ, тоже.—3. Океанъ и дюны, тоже.—4. Въ Голландіи, тоже.—5. Къ сѣверному морю, тоже.—6. Зимнее возвращеніе къ морю, «Наши досуги» 1914; «Русс. Мысль» 1914.—7. Вечеръ надъ моремъ, печ. впервые.

VI. *Природы соглядатай*. 1. Вечерній Панъ, «Новая

Жизнь» 1914; «Россія въ р. пѣсняхъ» 1915.—2. Вечеромъ на дорогѣ, тоже.—3. Весной, тоже.—4. Весеннее, «Оранжевая Урна» 1912.—5. Ночью свѣтлой, «Женское Дѣло» 1912.—6. «Цвѣтики убогіе»..., «Новое Вино» 1912.—7. Кротъ, печ. впервые. -8. Туманъ осенній, «Русс. Мысль» 1914.—9. Сухіе листья, печ. впервые.

VII. *Подъ улыбкой солнца.* 1. Въ томъ же паркѣ, «Русс. Мысль» 1913.—2. Сказка, «Русс. Мысль» 1914.—3. Въ лодкѣ, «Русс. Мысль» 1913.—4. Дождь и солнце, печ. впервые.—5. Послѣ скитаній, тоже.

VIII. *Въ буйной слѣпотѣ.* 1. «Итакъ, это сонъ...», «Оранжевая Урна» 1912.—2. «Сумракъ тихій...», «Русс. Мысль» 1913.—3. «Безуміе бѣлаго утра...», тоже.—4. «Запахъ любимаго тѣла...», печ. впервые.—5. «Мнѣ вспомнить страшно..», «Русс. Мысль» 1913.—6. «Мѣсяцъ въ дымкѣ отуманенной», тоже.—7. «Я помню легкія пиластры...», печ. впервые.—8. «Я не былъ на твоей могилѣ...», тоже.—9. «Это не надежда и не вѣра...», «Ребусъ» 1914.

IX. *Тамъ у входа.* 1. Безвѣстная вѣстница, «Бирж. Вѣд.» 1915.—2. На санкахъ, печ. впервые.—3. Въ лодкѣ рыбацкой, тоже.—4. Въ старинной Ригѣ, тоже.—5. Мгновенья мгновеннѣе, тоже.—6. Сиреночка, «Бирж. Вѣд.» 1915.—7. Умершимъ миръ, печ. впервые.

X. *Стоимъ мы слѣпы.* 1. Послѣдняя война, «Русс. Мысль» 1914; «Въ тылу» 1915; «Война въ р. поэзіи», 1915.—2. Старый вопросъ, «Русс. Мысль» 1914; «Въ тылу» 1915.—3. Наши дни, «Русс. Мысль» 1914.—4. Круги на водѣ, «Русс. Мысль» 1915.—5. Пора, «Невскій альманахъ» 1915.—6. На Карпатахъ, «Русс. Мысль» 1915.—7. Чаша испытаній, «Бирж. Вѣд.» 1915.

XI. *Высокихъ зрѣлищъ зритель.* 1. Польшѣ, «Русс. Вѣд.» 1914; «Русс. Мысль» 1914; «Извѣстія Л.-Х. Кружка» 1914; «Въ тылу» 1915.—2. Въ Вильно, «Русс. Мысль» 1914.—

3. Все чаще, тоже.—4. Въ Варшавѣ, «Русс. Вѣд.» 1914.—5. Аэропланы надъ Варшавой, печ. впервые.—6. Поле битвы, «Кличъ» 1915.—7. Пиршество войны, тоже.—8. На память объ одномъ закатѣ, «Утро» 1915.—9. Въ окопѣ, «Отечество» 1915; «Война въ р. поэзіи» 1915.—10. Казачее становье, «Бирж. Вѣд.» 1915.—11. Деревенскія рифмы, печ. впервые.—12. Каждый день, «Нива» 1915.

XII. *Тамъ на западѣ*. 1. Западный фронтъ, «Русс. Вѣд.» 1914.—Фламандцамъ, «Русс. Мысль» 1915.—3. Тевтону, тоже.—4. Туркамъ, «Бирж. Вѣд.» 1915.—5. Отрывокъ, «Пѣсни Жатвы» 1915.—6. На бомбардировку Дарданеллъ, тоже.

XIII. *Въ жизни человѣческой*. 1. Синема моего окна, «Бирж. Вѣд.» 1915.—2. Портретъ, печ. впервые.—3. Женскій портретъ, «Русс. Мысль» 1913.—4. Завѣщаніе, «Бирж. Вѣд.» 1915.—5. На церковной крышѣ, печ. впервые.—6. Простенькая пѣсня, «Русс. Мысль» 1913.—7. Она, печ. впервые.

XIV. *На шумныхъ улицахъ*. 1. Электрическіе свѣты, «Бирж. Вѣд.» 1914.—2. Вечеромъ, тоже.—3. На полетахъ, печ. впервые.—4. У канала, «Бирж. Вѣд.» 1915.—5. Панихида, «Женское Дѣло» 1913.

XV. *Дѣтскій блескъ очей*. 1. Дѣвочка съ куклой, «Русс. Мысль» 1913.—2. Дѣвочка и ангелъ, «Русс. Мысль» 1914.—3. Дѣвочка съ цвѣтами, печ. впервые.—4. Вербная суббота, «Женское Дѣло» 1912.—5. Квартетъ, печ. впервые.—6. Двѣ головки, «Бирж. Вѣд.» 1915.

XVI. *Въ старинномъ замкѣ*. 1. Баллада Ночи, «Русс. Мысль» 1914.—2. Баллада о любви и смерти, тоже.—3. Баллада воспоминаній, «Бирж. Вѣд.» 1915.—4. За картами, «Бирж. Вѣд.» 1915.—5. Секстина, печ. впервые.

XVIII. *Въ маскѣ*. 1 Образы временъ, печ. впервые.—2. Мумія, «Русс. Мысль» 1913.—3. Иксіонъ и Зевсъ, «Русс.

Мысль» 1913.—4. Филлида, «Альманахъ Альціона» 1914.— 5. Въ разрушенномъ Мемфисѣ, «Русс. Мысль» 1913.— 6. Сны, тоже.—7. На пескѣ, «Альманахъ Альціона» 1914.

XVIII. *Въ вашихъ чертогахъ.* 1. 1812—1912, «Русс. Мысль» 1912.—2. Гарибальди, «Русс. Вѣд.» 1913.—3. Пѣвцу Слова, «Бирж. Вѣд.» 1915.—4. Петербургъ, печ. впервые.— 5. Три кумира, «Русс. Вѣд.» 1915.—6. Бахусъ Рубенса, «Русс. Мысль» 1913.

XIX. *Въ душевной глубинѣ.* 1. Новая сестра, «Альманахъ Альціона» 1914.—2. Океанъ—ручью, «Русс. Мысль» 1913.—3. Умирающій день, «Бирж. Вѣд.» 1915.—4. Ночь, тоже.—5. Усни, бѣлоснѣжное поле, тоже.—6. Всѣмъ, печ. впервые.—7. Надъ омутомъ, «Бирж. Вѣд.» 1915.—8. Калейдоскопъ, печ. впервые.

XX. *Въ минуту жизни.* 1. У райскихъ вратъ, «Бирж. Вѣд.» 1915.—2. Единоборство. «Русс. Мысль» 1914.—3. Молиться, печ. впервые.—4. Рондо, «Бирж. Вѣд.» 1912.— 5. Чей-то зовъ, печ. впервые.—Въ лѣсу, «Русс. Мысль» 1914.

XXI. *На памятномъ листкѣ.* 1. Н. Н. Сапунову, «Сборникъ въ память Н. Н. Сапунова».—2. На смерть А. Н. Скрябина, «Русс. Вѣд.» 1915.—3. Ѳ. Сологубу, «Бирж. Вѣд.» 1913.—4. Игорю Сѣверянину, печ. впервые.—5. Игорю Сѣверянину, «Петерб. Глашатай» 1911.—6. Николаю Бернеру, «Русс. Мысль» 1913.—7. Путь къ высотамъ, печ. впервые.—8. Мой маякъ, тоже.—9. Девятое марта, печ. впервые.—10. Лира и Ось, «Сборникъ Сирина» 1914.

Перепечатки стихотвореній въ повременныхъ изданіяхъ и альманахахъ, сдѣланныя безъ вѣдома автора,— не указаны.

ПОПРАВКИ.

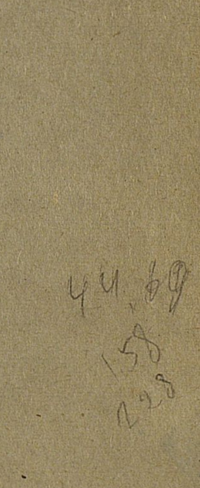
Стр. 28. Подъ стихотв. «Гимнъ Афродитѣ» пропущена дата: 1913.

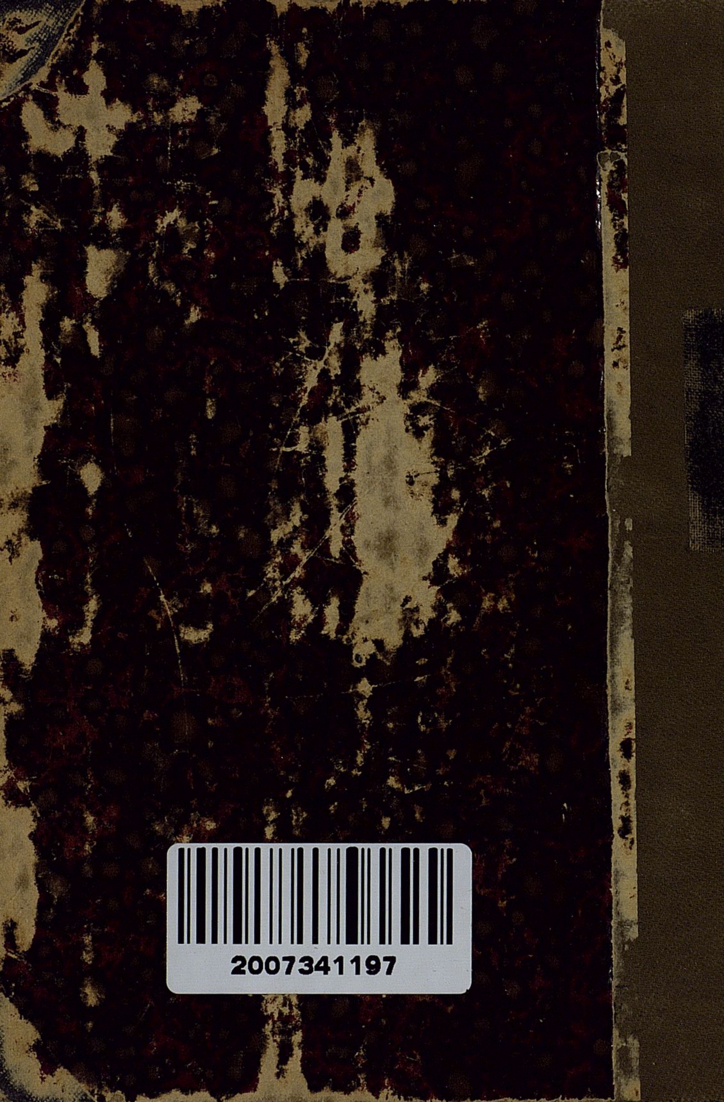
Стр. 68. Слѣдуетъ читать: «Сухіе листья».

Стр. 165. Слѣдуетъ читать: XVI (вмѣсто напечатаннаго XVII).

Стр. 175. Слѣдуетъ читать: XVII (вмѣсто напечатаннаго XVI).

Цѣна 2 руб.

44.69

2007341197